

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ КОВАЛЕНКО

Председатель Харьковского городского
союза ветеранов Афганистана

Дорогие друзья! В эти апрельские дни, когда природа радостно пробуждается после зимней стужи, в 1986 году в нашей стране случилась немыслимая по своим масштабам и последствиям Чернобыльская катастрофа.

Советские люди, не понимая всей полноты опасности радиоактивного излучения, в едином порыве бросились на устранение аварии... Среди них были парни, недавно вернувшихся домой с афганской войны. Но были такие, которые не подозревали, что после борьбы с невидимым врагом Чернобыля судьба забросит их еще и в Афганистан — на войну с душманами и наемниками. Сегодня многих из них уже нет в живых...

Вечная слава героям, которые ценой своего здоровья, а порой и жизни, спасали Европу и весь мир от радиационной угрозы!

СОДЕРЖАНИЕ

▶ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК	3
▶ ГОДОВЩИНА ТРАГЕДИИ НА ЧАЭС	6
▶ ПОИСК ОДНОПОЛЧАН	7
▶ КОМИТЕТ МАТЕРЕЙ	8
▶ ПОМНИМ И СКОРБИМ	9
▶ ОДИН ИЗ НАС. ВАЛЕРИЙ ШАПОВАЛОВ	10
▶ НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ	14
▶ РАБОТА С ИНВАЛИДАМИ	16
▶ АФГАНСКАЯ ВОЙНА	20
▶ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ	29
▶ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	30
▶ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА	31
▶ ФОТОРЕПОРТАЖ	32

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ХАРЬКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА
(воинов-интернационалистов)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Редакционная коллегия

Виктор КОВАЛЕНКО
Виктор БОРЗОВ
Жанна МИТРОХИНА

Редактор

Николай ХОРОШЕВ

Дизайн и верстка

Пресс-служба ХГСВА

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Ответственность за достоверность информации несут авторы.

Материалы печатаются на языке оригинала. Редакция оставляет за собой право использовать их, редактировать и сокращать на свой взгляд.

Письма, рукописи, фотоматериал не рецензируются и не возвращается. Переписка с читателями только на страницах журнала.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в Управлении по делам прессы и информации Харьковской облгосадминистрации.

Свидетельство о регистрации
серия ХК №1142 от 18.04.2005 года

Издатель: Харьковский городской союз ветеранов Афганистана (в-и)

Адрес редакции:

Украина 61003 Харьков,
пер. Короленко, 19
Тел. (057) 731-11-19
Факс (057) 731-29-18

E-mail: hgsva@tnss.kharkov.ua
hgsva@mail.ru

Интернет: <http://www.hgsva.tnss.kharkov.ua>

The address of edition of magazine «Internationalist»:

Ukraine

*The Kharkov city union of veterans of Afghanistan
(soldiers-internationalists)*

*Lane Korolenko, 19
61003 Kharkov*

При подготовке номера использованы фотографии пресс-службы ХГСВА, фотохудожника Леонида Куликова, с диска ветеранов-«афганцев» «Дембельский альбом»

Отпечатано:

в типографии «Золотые страницы»
г. Харьков, ул. Космическая, 26
Тираж: 3000 экз.
Бесплатно

ДАЙ, БОГ, ПОЖИТЬ ИМ ДОЛЬШЕ НА ЗЕМЛЕ

ХАРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА

В современных фильмах положительные герои легко и безрассудно убивают злодеев, а плохие герои без тени смущения стреляют в ни в чем неповинных людей. На экранах наших телевизоров сотни людей гибнут под прицелами телекамер... А вспомните кинофильмы прошлых лет: например, в знаменитых «Семнадцати мгновениях весны» о жесточайшей Великой Отечественной войне, унесшей жизни миллионов жителей Земли, в течение 12 серий погибло всего несколько человек.

Легко ли погибнуть в наши дни? Пожалуй, да. Можно, споткнувшись, неудачно упасть, ударится головой об асфальт и умереть. Во время дорожно-транспортных аварий люди гибнут целыми семьями. Падают самолеты, тонут корабли... Судьба?

По судьбам воинов-интернационалистов прошли войны. Не «киношные», где после окончания съемки очередной сцены «убитые» артисты поднимаются с земли, стряхивая с одежды пыль, а настоящие, в которых убивают НАВСЕГДА.

В семидесятые годы мы, молодые граждане Советского Союза, не задумывались о том, что можем умереть или быть убитыми. А еще мы не могли даже представить глубину горя родителей, потерявших своих детей на войне в мирные дни.

Более четырнадцати тысяч погибших в Афганистане... Сотни тысяч преждевременно поседевших родных и близких убитых ребят...

Что пережили наши матери и отцы, ожидая короткой весточки оттуда? Чем измерить их радость, когда они встречали вернувшихся живыми домой сыновей? Чем измерить горе и скорбь родителей, встретивших своих детей в цинковых гробах? А как они живут сейчас, с постоянно ноющей болью в груди?..

В череде мероприятий Харьковского городского союза (ХГСВА) особо выделяется Международный женский день. Это не просто дата или строка в плане.

Это прекрасная возможность отвлечь вдов и

матерей погибших участников боевых действий от ежедневной рутины и подарить им маленький, но яркий праздник. Благодаря поддержке городского Управления труда и социальной защиты населения организация и проведение празднования Дня 8 марта проходят на высоком уровне.

В этом году матушек радушно принимал ресторан «Босфор». За празднично накрытыми столами члены семей погибших «афганцев» услышали много теплых слов из уст Светланы Горбуновой-Рубан, Виктора Коваленко, Жанны Митрохиной, Аллы Мартыновой, Светланы Шмариной, Виктора Борзова, Веры Жулай и других. А председатели городских районных организаций ХГСВА не только желали здоровья и долгих лет жизни, но проявили себя в танцах (см. фото).

Милые женщины! Дорогие наши матушки и женушки! Спасибо вам за терпение, за доброту и милосердие!

Николай Хорошев

ХАРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА

МЕРТВЫЙ ГОРОД

(Чернобыльский реквием)

Мертвый город, мертвый город...
 Ни одной живой души!
 Даже ворон, черный ворон,
 над полесьем не кружит.
 В этом пункте населенном
 нет названий, нет имен...
 Был когда-то оживленным...
 Нынче смертью заселен.

Кладбище городов. Зловещая тишина.
 Помолчим, помолимся
 на кладбище, страна!

Цифры, доза, бета, гамма —
 непонятная латынь.
 Разбросала пятна смерти
 горько-серая полынь.
 Зараженная частица
 в заповедники души
 Залетела хищной птицей...
 монотонно жизнь крошит.

Кладбище городов. Невидимая война.
 Помолчим, помолимся...
 на кладбище, страна!

Родниковая водица, только
 пить ее нельзя.
 У домов слепые лица,
 безстекольные глаза.
 Ночь на улицы ложится, все
 огни слизала тьма.
 Мне апрель цветущий снится, а
 проснусь — кругом зима...

Кладбище городов. Мечта у меня одна:
 Чтоб не стала кладбищем,
 кладбищем моя страна!

ДОРОГА В БЕССМЕРТНЫЕ

Жизнь прожить — не поле перейти.
Выбор доли за Судьбой.
Но Чернобыль с ней пройти
Трус не смог, прошел герой.

Каждый жил и не тужил,
Свой «мирок» любя,
Но Отчизной дорожил,
Честно говоря...

Как всегда, пришла весна,
И была капель.
Она радость принесла
В солнечный апрель.

Вдруг, по свету прокатилось:
«Фон» или волна?
Мир от страха затаился:
«Может быть война?!»

По стране катился ропот.
Все слышней молва.
Эхо доносило шепот,
Мол, хлебом сполна.

Наконец, нам зачитали
Тайный манифест.
О Чернобыле сказали:
«Он планету съест!»

И судьба позвала нас
На реакторный каркас.
Был готов солдат любой
Брешь закрыть навек собой.

Опасно в атомной среде
Людей и жизнь спасать стране,
Но каждый знал, идя на бой,
Что жизнь спасать — наш долг святой.

Шла носом кровь, ребят «мутило»,
И отправляли их домой,
Но только тех, кого «фонило»,
И только тех, кто был больной.

Стоял в те дни народа плач:
Он покидал свою долину,
Поскольку атомный палач
Губил там жизнь, людей, скотину.

Загнали атом мы в ловушку.
Мы победили — это факт!
Теперь не клонет мир в макушку,
Поскольку сверху саркофаг...

Стою у бездны, голову склоняя,
А в памяти святые муки...
Надеюсь, жизнь прожил не зря,
Коль мир спасен и наши внуки!

А. Гарманов,
ликвидатор аварии на ЧАЭС.
1986 г.

Рубрику «Поиск однополчан»
ведет Константин Мелихов

ПОИСК ОДНОПОЛЧАН

Ищет **Жабицкий Константин**

690002, Россия, г. Владивосток,
Океанский проспект, дом 123, кв. 147
моб. т. 8-914-705-41-38
zhabitsky@mail.ru

Всем привет! Служил в Чирчике в/ч 71201 с 23.11.1987 по 10.06.1988 в 1 батальоне (стрельбище) — оператор наводчик БТР. Потом за речку. Попал в 4-й Баракинский батальон (668 ООСН) — п/п 44653. Батальон тогда уже вышел из Бараков и стоял в Кабуле, недалеко от штаба 40-й Армии, рядом с Кабульской ротой СН. Попал во 2-ю роту 2-й взвод. Ком. взвода был Кравченко Павел Владимирович. Сейчас он служит в Москве в звании полковника, род войск тот же. Есть связь с ним и с другими ребятами.

Хотим всех собрать на встречу!

Встреча состоится в Тольятти 02 августа 2007 года!

Ищет **Михнюк Олег**

г. Киев, ул. Старонаводницкая, д. 4-б, кв. 60
т. 8-044-284-99-28
gardez@voliacable.com

Ищу сослуживцев по 56 ОДШБ, 3 ДШБ, 7 рота, Бараки-Барак 1984-1985 годы.

Ищет **Филиппов Алексей**

г. Харьков, ул. К. Корка, 32, кв. 122
т.д. (0572) 69-30-67
т.р. (057) 721-0900
т.м. 8-095-89-38-318

Ищу сослуживцев по минометной батарее 1-й батальон 682 полка (Баграм, февраль-май 1984 года): с-та Дудченко (из Сумской обл.), с-та Гурза (из Днепропетровска) и других.

Ищет **Арабей Игорь Игнатьевич**

222310 Минская область, г. Молодечно,
ул. Молодежная 24/13
т. 8-01773-3-11-84
mpvi@list.ru

В 1986-1987 гг. — лейтенант, командир взвода в/ч пп 39696 г. Северный Кундуз (сторожевая застава возле Альчинского моста), ранен 11.01.1987г. Прошу откликнуться всех кто меня знает. Ныне руковожу музеем Памяти воинов-интернационалистов в г. Молодечно Минской области. Для работы прошу откликнуться всех, кто знал и служил вместе с ниже перечисленными погибшими ребятами (материал для нашего музея): рядовой, разведчик-пулеметчик АВДЕВИЧ Сергей Дмитриевич, 25.05.1988 г., в/ч пп 96044; служащий СА ГРИГОРЬЕВ Иван Иванович, 15.11.1986 г., водитель в/ч пп 33133; старший сержант, снайпер КОРЗИК Александр Станиславович, 30.04.1984 г., в/ч пп 86997; прапорщик, начальник склада хим. имущества МОСКАЛЕВИЧ Григорий Александрович, 12.01.1986г., в/ч пп 39696; лейтенант, командир группы спецназначения НОВИКОВ Сергей Васильевич, 7.07.1985г., в/ч пп 54783 (186 отряд спецназ); сержант, заместитель командира взвода ПОСОХ Виктор Алексеевич, 6.09.198 г. в/ч пп 44585; майор, начальник штаба 3-го десантно-штурмового батальона, СИНКЕВИЧ Виктор Алексеевич, 16.08.1984 г.; майор, начальник инженерной службы полка СЛИЖ Валентин Михайлович, 1.04.1983 г.

ПОИСК ОДНОПОЛЧАН

Рубрику ведет заместитель председателя ХГСВА по вопросам семей погибших Митрохина Жанна Павловна. Используются фотоматериалы из архивов семей погибших воинов-интернационалистов.

ИТОГИ НАШЕЙ РАБОТЫ ЗА ПРОШЕДШИЙ ГОД

В течение 2006 года в Харьковской городской союз ветеранов Афганистана поступило 120 обращений от членов семей погибших воинов-интернационалистов. В основном, темы обращений касались:

- платежей за коммунальные услуги;
- льготного проезда в городских автобусах;
- помощи при оформлении документов на выплату за ордена и за погибшего участника боевых действий.

Долго мы бились, но все же добились ремонта кровель над квартирами Сиренко В.С. — матери погибшего, проживающей в Коминтерновском районе и Бобро С.К. — матери погибшего, проживающей в Киевском районе.

Шесть человек из числа членов семей погибших прошли курс лечения в Харьковском областном госпитале, 12 человек оздоровились в санатории «Лесная Поляна» (Киев).

В санатории им. Семашко (Симеиз, Крым) в прошлом году никто из членов семей погибших воинов не отдыхал. После ликвидации Комитета Верховной Рады по делам ветеранов войны, нас, матерей и вдов, лишили такой возможности.

По нашим заявкам Изюмский оптико-механический завод оказал благотворительная помощь продукцией завода, благодаря которой 30 человек улучшили свое зрение. По ходатайству перед городским Управлением труда и социальной защиты населения родителям погибших воинов оказана материальная помощь на операции, оздоровление и приобретение лекарств.

Весомая помощь нам оказана спонсорами. Так, например, были получены и распределены теплые куртки в количестве 200 штук, летние жакеты — 100 штук. Харьковская макаронная фабрика выделила макаронные изделия в количестве 400 килограмм.

Воин-интернационалист, частный предприниматель Сергей Иванов передал в качестве спонсорской помощи 50 литров соевого масла. Также для членов семей погибших участников боевых действий были получены 85 наборов чая и кофе и 5 тонн картофеля.

При содействии городского Управления труда и социальной защиты населения организована экскурсия в Свято-Горский Успенский монастырь.

Международный женский день — 8 марта в

2006 году отмечен праздничным обедом, развлекательной программой и подарками. 20 женщин-активисток получили в виде поощрения денежные переводы, а 15 — памятные подарки. Теплые слова поздравлений, музыка, песни и танцы остались в памяти всех участниц праздника.

Наши матушки также были приглашены на праздничный вечер в клуб «Супербабушки».

По нашему ходатайству администрацией Харьковского метрополитена выделены годовые проездные билеты для жен инвалидов-«афганцев» 1-й группы. Большую помощь в этом оказал председатель первичной организации воинов-интернационалистов метрополитена Виктор Шпак.

Активное участие принимали наши семьи во всех мероприятиях, проводимых Харьковским городским союзом ветеранов Афганистана — это и субботники по уборке территорий у памятника погибшим воинам-интернационалистам на ул. Культуры, возле строящегося храма Георгия Победоносца, и высаживание берез на аллее Славы по пр. Тракторостроителей. А завершили 2006 год новогодние праздники и утренники для детей.

Для председателей районных отделений семей погибших оформлена подписка на 2007 год на 10 экземпляров газеты «Третий Тост», «Урядовый курьер» и «Харьковские новости».

За активное участие в общественном движении воинов-интернационалистов и личный вклад в работу по социальной защите членов семей погибших объявлена благодарность Харьковскому городскому союзу ветеранов Афганистана Месьяниновой А.Я., Маслюженко Л.И.; награждены медалью Украинского союза ветеранов Афганистана «За гражданское мужество» Ситало А.В., Новоселова Л.В., Бабич В.И., Навальная Г.М., Ткаченко Н.Д., Торбукова Л.П., Ситало М.Ф.

К восьмидесятилетию Радченко А.И. Харьковской городской союз ветеранов Афганистана подарил телевизор.

Редеют ряды родителей погибших воинов. В 2006 году мы проводили в последний путь 6 человек. Увеличивается количество семей, в которых умирают участники боевых действий в Афганистане. Сегодня на учете в Харьковском городском союзе ветеранов Афганистана состоит 50 семей умерших «афганцев».

«...навсегда ваш Сергей»

Как вам живется, мамы, на Земле
Среди метелей отчих и туманов?
У нас в морозной, ясной, чистой мгле
Ни выстрелов, ни крови, ни душманов.

Валерий Аушев

Я думаю, что именно в критических, стрессовых ситуациях, когда нервы на пределе — испытываются человеческие качества. На войне такие ситуации повторяются чаще, чем в мирной жизни и добавляется еще один фактор — профессиональный. И в любой ожесточенной схватке сознание подсказывает одно: выстоять. В древней Руси, когда воины сражались мечами и защищались щитами, воины напутствовали так: «Лучше на щите, чем под щитом». Провожая сейчас сыновей в армию, мы говорим: «Служи честно, не посрами». И никто не предполагал, что в те годы для многих это было последним родительским напутствием...

Из всех горячих точек, в которых принимали участие наши соотечественники тема Афганской войны самая болезненная. Потому что многие нелепости и огрехи, особенно в начальном периоде, легли на плечи восемнадцатилетних воинов. И именно после афганской войны в медицине появился термин «Афганский синдром». Каждая армия чего-нибудь стоит, если имеет боевой опыт, но опыт афганской войны дался нам большой кровью и дорогой ценой.

В доме № 12 «Г» по ул. Героев Труда прошло детство и юность Сергея Позняка. В семье Лилии Иосифовны и Василия Кирилловича Сергей был третьим ребенком. Но младший — не значит избалованный, хотя все в нем души не чаяли. «Один сын — это не сын, два сына — это пол сына, три сына — вот это сын!» Высказывание Григория Котовского попало в точку: высокий, статный, размер обуви 45, как говорят — на радость людям и родным. Рос Сергей добрым и всегда к маме обращался ласково, любил помогать ей в домашних делах. Часто говорят о плохом влиянии улицы, а за Сергея волноваться не приходилось. Компания ребят, живущих в одном доме с Сергеем, не вызвала раздраженных нареканий соседей...

Они не забыли высокого, красивого парня и рассказывают о нем с грустью. Воспоминания очень теплые. В школе увлекался стрельбой, и грамоты свидетельствуют о хороших результатах. Отец Сергея был работником связи и в 1982 году отбыл в двухгодичную служебную командировку на Кубу, по тогдашним требованиям — в сопровождении жены. Сергей остался на попечении бабушки — призывной возраст.

Военруки школ... Многим ребятам помогли они в выборе будущей военной профессии. Виталий Николаевич, военрук 107-й школы, всерьез занимался парнями старших классов, уделяя им свое время и после занятий, и, благодаря ему, Сергей решил стать военным.

Поступал Сергей в военное училище в Ростове, но не набрал нужного количества баллов. А в последнем «дембельском» письме просил родителей передать Виталию Николаевичу, что обязательно будет поступать в Харьковское военное училище.

27 октября 1983 Сергей был призван в армию Киевским РВК города Харькова. Его провожала родня: бабушка, братья, друзья. Лилию Иосифовну не покидало предчувствие, что не к добру это — сына не проводила в армию. До сих пор не может этого себе простить. А Сергей через окно вагона мысленно прощался с родными местами: «Вот проехали Московский проспект, а вот Салтовский мост, Новые дома». Поезд вез новобранцев в Ворошиловград, а оттуда в Душанбе. Через 5 суток они были уже в Пяндже. Учебный центр. Первая радость: «Со мной служит парень с нашего двора!» И первые откровения: «После строевой ног

не чувствую, так гудят. А после суточного наряда на кухне — еле волочу». Вот и все о военной службе.

После окончания обучения, стрелок Сергей Позняк в составе мотоманевренной группы прибыл на погранзаставу в/ч 2022. Все 2 года письма Сергея начинались словами: «Привет с Памира». И все два года родные не знали, что их мальчик находится на территории Афганистана, что ходит под пулями. Так спокойны были его письма, в которых он больше интересовался жизнью дома, за которым очень скучал. Писал о красоте снежных вершин, о том, что после службы поедет с отцом в Белоруссию, на его Родину, что очень хочет крепко обнять свою любимую мамочку. «Береги себя, ждем к Новому году»: так отвечала мама.

В письмах ни слова о том, что водитель БТР мотомангруппы погранвойск рядовой Сергей Позняк, неоднократно участвовал в боевых операциях, сопровождая автотранспортные колонны по опасным афганским дорогам. И в каждой такой проводке Сергей проявлял себя решительным и профессиональным бойцом.

Мы, матери, о героических, связанных со смертельной опасностью военных буднях, только сейчас, из песен и стихов сверстников наших парней узнаем о том, что многое не разрешалось писать в письмах домой.

5 декабря 1985 года, в своем письме, еще не зная, что будет оно последним, проскользнула томительная тоска по дому. А 6 декабря 1985 года сторожевая застава у кишлака Дарлаг приняла бой. Закончились патроны, и Сергей метнулся на пункт боепитания. На обратном пути был смертельно ранен, а 8 декабря от острой кровопотери умер в госпитале города Хорог.

Последнее письмо пришло домой когда Сергея уже не было в живых. А на конверте было написано «Дембель!»...

Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 сентября 1986 года водитель БТР рядовой Позняк Сергей Васильевич награжден орденом Красной звезды (посмертно).

«На моей свадьбе будут все, ...если она у меня будет»

Наибольшие потери воинов-пограничников понесла Харьковская область — погиб 41 человек...

Здание, в которое я вошел (и благополучно вышел) дождливым утром, находится неподалеку от ипподрома. В нем расположено учреждение, к сотрудникам которого лучше всего ходить за интервью, чем из-за их трудовой деятельности. Почему? Потому что это Следственное управление ГУМВД Украины в Харьковской области!

Но, как я уже отмечал в прошлых номерах, наши люди есть везде, и мы с Валерием Владимировичем ведем беседу в его рабочем кабинете. И, как ныне положено на государственной службе, разговариваем на украинском языке в слегка официальном тоне. Служба, однако...

ШАПОВАЛОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ВОИН-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ,
1-Й ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ГУМВД УКРАИНЫ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ,
ДОКТОР ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ПРАВА
НАЦИОНАЛЬНОГО ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

- Валерий Володимирович, будь ласка, декілька слів про себе.

- Народився я в місті Красний Луч Ворошиловградської області в сім'ї робітників. Батько — Володимир Євменович — спочатку працював термістом на Краснолучському машинобудівному заводі, а потім, після закінчення Ростовського машинобудівного технікуму, став працювати старшим інженером відділу постачання ВТК-19 УВС Ворошилоградського облвиконкому. Мати — Олександра Василівна — працювала землевиробником цеху №8 Краснолучського машинобудівного заводу. На жаль, вони вже померли.

Пройшов трудовий шлях від підземного електрослюсаря Краснолучського шахтобудівельного управління №1 «Антрацитвулглубуду» до заступника начальника УБНОН УМВС України в Запорізькій області.

Зараз працюю на посаді першого заступника начальника СУ ГУМВС України в Харківській області. Освіта вища. У 1989 році закінчив Вище політичне училище МВС СРСР.

Спеціальності за освітою: технік-електромеханік; правознавство, юрист-політробітник.

Доктор фармацевтичних наук, професор кафедри фармацевтичного права Національного фармацевтичного університету.

- Як проходила ваша служба в лавах Радянської армії?

- Це було в 1979-82 роках. Служив я в Червонопрапорному Середньоазіатському прикордонному окрузі. Каахкінський прикордонний загін, в/ч 2088.

З початку служби пройшов карантин, де нас сортирували по напрямкам навчання. З початку з нас — «молодих» — відбирали юнаків у школу сержантів. Я був зарахований в неї завдяки своєму здоров'ю, бо, ще до служби в армії, активно займався спортом: з початку баскетболом, легкою атлетикою, боксом, ручним м'ячем,

атлетизмом. У дворі з хлопцями кожен вечір «висіли» на турніку, оволодіваючи мистецтвом виконання склепки.

Але потім, коли хлопці-земляки сказали, що буде можливість поїхати до Душанбе в школу кухарів, я захотів вивчитися на повара. Відбір був жорстокий (з трудом вдалося відрахуватися з школи сержантського складу). Але все ж таки мене було направлено до Душанбе, де потім, на протязі півроку, навчали мистецтву кулінарії. При цьому загальної фізичній підготовці приділялося багато уваги, тому кожен ранок ми виконували марш-кидок біля річки Душанбінки...

Вперше керівництво збиралося нас направити до Афганістану навесні 1980 року. Наш підрозділ було піднято по тривозі, зібрано і екіпіровано на плацу. В цей час ми побачили в небі багато літаків, які летіли в сторону Афганістану. На протязі тижня нас навчали елементарному розумінню ведення окопної війни. Але в той час Бог нас милував: ми отримали можливість закінчити школу. Після того, як я здав екзамен «на відмінно», мене було направлено до смт Каахка, в автороту.

На весні 1981 року, в зв'язку із бойовими діями у прикордонній смузі нашого прикордонного загону, було об'явлено про те, що формується десантно-штурмова група (ДШГ). Мене зарахували до її складу, і я був дуже радий цьому...

З початку ми тренувалися стрільбі з гранатометів та інших видів зброї. А після того як ми вже мали деякий досвід, нас було доставлено до смт Кушка (с. Маркуновка), у взводній ДШГ. Ми були розташовані у палатках біля застави та вертолітного загону.

Як зараз згадую, як ми ділили патрони і гранати... Мені вдалося у свій рюкзак покласти цілий цинк патронів до автомату АК-74. При цьому, якщо з початку я узяв гранати РГД-5, то, після співбесіди з земляками, ці гранати поміняв на Ф-1. Мене дуже вразила жара, яка була у денний час, і холод, який був ніччю у Кушці...

На операції на території Афганістану ми літали у вертольотах Мі-4... Пригадую, як там, за річкою, я вперше побачив карабін англійського виробництва «Бур». А ще — дуже бідних мешканців кишлаків, які мали справжню японську аудіотехніку...

Я закінчив службу на 21-й заставі, яку ми люблячи називали «Морською», тому що вода там була привізною. Ця застава була створена 29 березня 1923 року із підрозділу окремого кавалерійського полку РНК і розташовувалась у ущелині Хаджи-Булан...

До цього часу йдуть суперечки про те: правильно чи неправильно було прийняте рішення про введення наших військ до цієї країни? Я вважаю, що наші хлопці були героями! Ми перемогли у цій війні, тобто, ми з честю виконали інтернаціональну місію. В тій країні радянські війська проявили масовий героїзм. А ще — було отримано сучасний досвід ведення бойових дій, перевірено якість бойової техніки тощо.

Після того, як мене було демобілізовано, я часто згадую про війну... З часом, коли я отримав більше інформації про революцію в Афганістані, про співвідношення між наддержавами СРСР та США, мені стало ясно, що ввід радянських військ був помилкою. Бо на той час економіка СРСР програвала економіці США. Тобто вона розвивалася екстенсивним шляхом, у державі зростала корупція, злочинність. В кінці кінців, це привело до створення СНД і незалежної держави — Україна.

- Як склалося ваше життя після демобілізації?

- На це питання я ходив би навести успіхи своєї та своєї родини, яка мені допомагає...

У вільний від служби час, за сумісництвом працюю в Національному фармацевтичному університеті — професор кафедри фармацевтичного права.

Доктор фармацевтичних наук. Докторську дисертацію захистив в 2005 році в спеціалізованій вченій раді при Київській медичній академії післядипломної освіти ім. П.Л. Шупика на тему «Організаційно-правові підходи до розробки комбінованих лікарських засобів на основі психоактивних речовин для попередження і лікування наркоманії».

Веду курси: фармацевтичне законодавство; судова фармація; організаційні аспекти судової хіміко-фармацевтичної експертизи; фармацевтичне право при виробництві та реалізації лікарських засобів. При цьому, читаю лекції по розділах: «Кваліфікація правопорушень, пов'язаних з обігом сильнодіючих, отруйних, психотропних речовин, наркотичних засобів та прекурсорів», «Судово-фармацевтичний аналіз злочинів, пов'язаних з незаконним обігом засобів і речовин», «Правові аспекти призначення та проведення СХФЕ», «Види СХФЕ та терміни проведення», «Методи експертних досліджень злочинів, пов'язаних із незаконним обігом засобів і речовин різних класифікаційно-правових груп», «Міжнародний контроль і протидія нелегальному обігу засобів і речовин», «Діяльність спеціалістів фармації та медицини при розслідуванні правопорушень внаслідок обігу фальсифікованих засобів і речовин». Співавтор єдиних на цей час серед вузів України двох програм: «Уніфікованої програми циклів підвищення кваліфікації спеціалістів з питань судової фармації» та «Уніфікованої програми та навчальних модулів підвищення кваліфікації спеціалістів фармації з фармацевтичного права».

Вхожу до складу Редакційної ради фахових журналів «Ліки України», «Український вісник психоневрології», «Архів психіатрії», «Вісник психофармакології», «Український медичний альманах».

Співавтор 7 нових препаратів, які впроваджено в медичну практику та промислове виробництво: «Валькофен», «Кардацет», «Паравіт», «Галопріл», «Динальгін», «Калевіт С» та сироп календули.

Приділяю значну увагу спільним науковим дослідженням з Інститутом неврології, психіатрії та наркології АМН України, Харківським бюро судово медичних експертиз, ДНЦЛЗ, ДНЕКЦ МВС України, ДФЦ МОЗ України, Інститутом фармакології та токсикології АМН України, Інститутом екології і токсикології МОЗ України.

Маю більш, ніж 487 публікацій, з яких 427 — наукових...

- У вас дуже насичене життя. Як до цього ставляться рідні?

- Моя дружина — Вікторія Олексіївна — доктор фармацевтичних наук, професор, завідувача кафедрою фармацевтичного права Національного фармацевтичного університету, провідний науковий співробітник Державного фармакологічного центру МОЗ України, консультант по питаннях судової хіміко-фармацевтичної експертизи слідчого управління ГУМВС України в Харківській області. Це офіціоз. А в житті...

Вікторія — це жінка моєї мрії!.. Коли ми одружувались, я, дивлячись на Вікторію, хотів їй присвятити вірші Пушкіна або Єсеніна... Та, замість цього, експромтом на салфетці написав свій власний:

«В эти минуты и часы веселья,
Мой взгляд влюбленный и простой.
Хочу тебя я выпить тоже в постели брачной,
Как пьешь шампанское со мной.
Ты тоже смотришь улыбаясь,
Глаза горят твои.
Скорей бы кончилось застолье,
В постели встретились бы Мы!»

З початку моєї слідчої служби, дружина допомагала мені розібратися у складностях судових експертиз: з початку судово-хімічної, потім — інших. Крім того, ми з нею бачили, що кримінальними методами боротьби із злочинністю, взагалі, та наркозлочинністю, зокрема, у державі ситуація не покращувалася. Не змінювалася кількість хворих на наркоманію, токсикоманію ВІЛ/СНІД, туберкульоз, онкологічні та інші розлади здоров'я, дорожньо-транспортні пригоди, тілесні ушкодження різного ступеня тяжкості, що потребувало моніторингу та науково-методичного вивчення. У зв'язку з чим і було створено з початку кафедру судової фармації, а з часом — фармацевтичного права. Кафедра стала вносити пропозиції до МВС України, МОЗ України, МЮ України, Верховної Ради України та інших державних органів щодо покращення ситуації в регіоні та Державі з удосконалення законодавчого і нормативно-правового забезпечення. На цей час кафедра фармацевтичного права захищає права і свободи, життя і здоров'я провізорів, лікарів і пацієнтів від протиправних посягань, при цьому, вивчаючи причини і умови, що сприяють наркозлочинності, яка по різних оцінках акумулює гроші у розмірі від 1 до 100 млрд. дол. США, а це пов'язано і з іншими злочинами (хабарництво, корупція, розбої, грабежі, вбивства, крадіжки та інші злочини), а також розробляє заходи, що направлені не тільки на захист національної і економічної безпеки, а також обороноспроможності України. Але це тема іншої бесіди...

Син Валентин закінчив школу-лицей №165 «Вертикаль» з золотом медаллю. У 2006 році закінчив з відзнакою Національну юридичну академію ім. Я. Мудрого. А зараз є лейтенантом міліції, слідчим СВ Київського РО ГУМВС України в Харківській області. У вільний від служби час працює асистентом кафедри фармацевтичного права Національного фармацевтичного університету, в водночас виконує кандидатську дисертаційну роботу на тему «Судово-фармацевтичні дослідження обігу особливо небезпечних наркотичних засобів і психотропних речовин в концепції національної безпеки в Україні». Він є автором понад 50 наукових праць по проблемі, яка пов'язана із протидією наркобізнесу в Україні та попередженню причин і умов, що спричиняють поширення наркоманії, токсикоманії, ВІЛ/СНІД та інших захворювань. Ми с дружиною віримо, про те що наш син буде краще за нас, не повторить наших помилок і буде продовжувати справу родини.

Моя сім'я високо цінує участь і мужність українських хлопців при виконанні міжнародного боргу в Афганістані, і пишається своїм мужем і батьком...

- Валерій Володимирович, а чи є у вас вільний час?

- Хоч і небагато, але є. Для мене вільний час це: рибна ловля, формула F-1, наукові дискусії на конгресах, симпозиумах, конференціях, написання статей для науково-практичних журналів...

- Чим є для вас «афганський рух»?

- Через сторінки журналу «Інтернаціоналіст» з великою вдячністю хочу звернутися до голови Харківської спілки ветеранів Афганістану Віктора Коваленко, який у цьому році, напередодні 15 лютого, організував і провів у ХАТОБі ім. Лисенко святкові заходи.

Коли я прийшов до зали, мене вразила кількість присутніх батьків і дітей, які були зачаровані тим, що відбувалося на сцені, та енергією єдності сердець.

В цей день я й приєднався до однодумців...

Дуже вдалою знахідкою харківських «афганців» є видання інформаційного журналу «Інтернаціоналіст», який став трибуною і ланкою зв'язку не тільки між хлопцями, що були у Афганістані, але й між всіма воїнами-інтернаціоналістами, які чесно виконували завдання держави і оказували допомогу В'єтнаму, Алжиру та іншим країнам, а також з державними органами, підприємствами всіх форм власності та недержавними спілками не тільки в Україні але ж за її межами Росії, США, країнах ЄС, СНД та СОР.

На мій погляд, «афганський рух» потрібно у подальшому розвивати у взаємодії з державними і недержавними органами. Його потрібно весь час удосконалювати. На мій погляд, міська спілка «афганців» може взяти участь у розробці регіональної та національної програми «Протидії наркоманії, токсикоманії, ВІЛ/СНІД щодо вживання засобів і речовин, які мають психоактивні властивості», програми «Щодо замісної терапії», яка би ґрунтувалася на лікарсь-

ких засобах, які виробляються в Україні та Харківській області.

А ще, «афганський рух» мене натякнув на створення журналу «Фармацевтичне право і доказова фармація в Україні»...

В завершення хочу привести слова Матері Терези:
«Люди бивають неразумні, нелогічні і эгоїстичні.

- Все равно прощайте им!

Если Вы проявили доброту,
а люди обвинила Вас в тайных личных побуждениях.

- Все равно проявляйте доброту!

Если Вы честны и откровенны,

То люди будут обманывать ВАС.

- Все равно будьте честны и откровенны!

То, что Вы строили годами,

Может быть разрушено в одночасье.

- Все равно стройте!

Если Вы обрели безмятежное счастье,

Вам будут завидовать.

- Все равно будьте счастливы!

Добро, которое Вы сотворили сегодня,
люди позабудут завтра.

- Все равно творите добро!

Делитесь с людьми лучшим, что у Вас есть,
и этого никогда не будет достаточно.

- Все равно делитесь лучшим, что у Вас есть!

В конце концов, Вы сами убедитесь,

что все это – между Вами и Богом,

- Все равно это никогда не было между ними и Вами!»

В статті використані фотографії з особистого архіву В. Шаповалова, на яких: д.ф.н. професор, завідувача кафедрою фармацевтичного права Національного фармацевтичного університету В.О. Шаповалова; слідчий, лейтенант міліції, асистент кафедри фармацевтичного права Валентин В. Шаповалов; ректор Юридичної академії ім. Я. Мудрого академік Академії правових наук, д.ю.н., професор В.Я. Тацій; ректор Національного фармацевтичного університету чл.-кор. НАН України, д.ф.н., д.х.н. професор В.П. Черних; Заступник начальника ГУ МВС України в Харківській області полковник міліції З.С. Галаван; Заступник голови ДПА в Харківській області, генерал-майор міліції, кандидат фармацевтичних наук С.Л. Петренко; Проректор з наукової роботи академії ім. Я. Мудрого академік Академії правових наук, д.ю.н., професор М.О. Панов; Заступник міністра МВС України-начальник ГСУ, генерал-лейтенант міліції П.В. Коляда, Начальник ДБНОН МВС України, генерал-майор міліції М.М. Андреев; завідувач кафедрою наркології ХМАПО д.м.н., професор І.К. Сосін; Доцент кафедри фармацевтичного права, к.ф.н. (заступник начальника УМВС України в Харківській області, полковник міліції) М.М. Халін; Депутат Харківської обласної Ради, генерал-майор міліції А.М. Мельниченко; суддя Ленінського районного суду м. Харкова В.В. Бондаренко; Академік РАМН Росії А.Г. Чучалін; асистент кафедри фармацевтичного права (заступник начальника СУ ХМУ УМВС України в Харківській області, полковник міліції) М.М. Ніконов; заступник начальника штабу Київського РВ ГУ МВС України в Харківській області, підполковник міліції Ю.П. Поярков; завідувач кафедрою організації та управління д.ф.н., професор В.М. Толочко; завідувач кафедрою технології ліків, академік, д.ф.н., професор О.І. Тихонов; співробітники апарату СУ ГУМВС України в Харківській області полковник міліції В.П. Буйницький, полковник міліції Кишиш'ян А.К., полковник міліції С.В. Щербаков, підполковник міліції О.Ф. Ахтямов, підполковник міліції Ю.М. Редін, підполковник міліції І.В. Ліхоліт, підполковник міліції І.І. Андронко, майор міліції А.М. Підгорний та слідчі СВ МВ РВ – випускники 2006 р.

Интервью провёл **Николай Хорошев**

ХАРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА

Эту удивительную историю мне не так давно рассказал ветеран органов государственной безопасности Н. Анисимов.

В конце 60-х прошлого столетия ему довелось принимать участие в проверке ряда военнослужащих Советской армии, вернувшихся из-за рубежа, где они оказались не по своей воле. В подтверждение этому, он передал мне газету «Труд» за 14 марта 2001 года, где под заголовком «Бешенный» помещена корреспонденция В. Черкасовой, в которой и показана эта человеческая драма.

ВЕРНУВШИЕСЯ ИЗ НЕБЫТИЯ

Итак, один из февральских воскресных дней 1961 года. В железнодорожном батальоне, дислоцированном в поселке Титовка Мурманской области, объявлена «тревога». В числе военнослужащих батальона, который был построен на строевом плацу, находился и старший сержант Ян Сперксис.

Все гадали, что же могло случиться? Обыкновенный воскресный день. Личный состав, за исключением дежурной службы, на отдыхе. Кто в библиотеке, кто в солдатском кафе, кто в клубе, на просмотре кинофильма. Ян Сперксис, один из старослужащих батальона, готовился к «дембелю». Через неделю он наконец-то уедет домой, к родителям. Почему, «наконец-то»? Да потому, что в армии он уже целых пять лет. И за эти долгие, годы ему пришлось повидать многое.

Так, например, в 1956 году он побывал в Польше, где принимал участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Познани. Ян Михайлович в полном соответствии с присягой выполнил свой интернациональный долг, за что и получил крест «Виртути милитари» III степени, который польские власти давали за отчаянную храбрость. Потом снова принимал участие в подавлении «контрреволюционного мятежа», теперь уже в Венгрии и, получив от венгерского правительства медаль «Непсабадшах», вернулся в Союз, где продолжил службу в железнодорожных войсках.

И разве мог он думать, что этот день, это построение на плацу, подвергнет его далеко не легким испытаниям...

Перед строем появился замполит батальона и сообщил, что бельгийские колонизаторы хотят закабалить свободолюбивый народ братского Конго. И поэтому, Советское правительство, верное интернациональному долгу, решило оказать ему гуманитарную помощь своим воинским контингентом.

Что такое «интернациональный долг», Ян Михайлович и тогда не очень понимал, и за свою долгую жизнь так и не понял. Но когда замполит предложил тем, кто хочет помочь народу Конго, сделать два шага вперед, он, не задумываясь, их сделал.

У солдат отобрали подписки о неразглашении, куда их отправляют, привезли на железнодорожный вокзал и посадили в общий вагон. Покидать вагон, куда бы-то ни было, и общаться с посторонними лицами, запрещалось. Через сутки они были в Кронштадте, где их посадили на баржи. Путешествие в душном трюме продолжалось три месяца. На судах были флаги гражданского флота, и за весь долгий путь, они не заходили ни в один порт.

В порту, в который они прибыли, было очень

жарко. После пятидесятиградусного мурманского мороза, все были поражены пятидесятиградусной африканской жарой.

Но не это было главное в их дальнейшей судьбе, а то, что пока солдаты находились в пути, ситуация в Конго резко изменилась. В стране произошел военный переворот. И советские солдаты сразу оказались, в прямом смысле этого слова, в плену. Всех посадили в грузовики и повезли куда-то в джунгли. Солдаты, которые были призваны в армию в основном из сельской местности, с молчаливым удивлением рассматривали впервые увиденных ими негров.

Военнослужащих привлекали на хозяйственные работы, и уже через месяц они довольно сносно общались с местным населением на франконском языке (смесь французского с африканос). Общались с ними дружелюбно. Поселили близ населенного пункта в отдельном палаточном городке. У каждого была мягкая койка с чистым бельем, играла музыка. А кормили... Кормили просто как на убой. Многие там впервые в жизни увидели телевизор. Покидать пределы лагеря, было запрещено: вышки по периметру, на которых сидели чернокожие охранники.

Вот как вспоминал пребывание в этом лагере Ян Михайлович:

- Бывало, идешь мимо, а он затвором «кляц-кляц», и целится в спину. Я просто физически ощущал, как ствол пулемета щекочет аккурат между лопаток.

Конечно же, думать, что среди пленников были только солдаты, было бы абсурдом. Были и офицеры, среди которых несколько замполитов. Замполиты регулярно проводили с личным составом политзанятия, рассказывали, что советское правительство во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым ночей не спит, думая, как их освободить. Сначала солдаты верили этому, но потом все более и более начали сомневаться насчет «бессонницы» руководства страны. И уже месяца через три поняли, что надеяться им надо только на самих себя.

Идея побега принадлежала Сперксису. Под его руководством началась тщательная подготовка. Ребята отодрали от кроватей плоские железные спинки и заточили их на камне. С помощью длинных жердей, которые подпирала палатки и, используя их как ше-

сты, захватили сторожевые вышки. Острыми заточками перерезали горла охранникам и, захватив оружие, разломали лагерные ворота. В итоге 270 солдат и офицеров оказались на воле. Они сели на стоявшие у лагеря грузовики и на большой скорости поехали в сторону реки Конго, где, захватив паром, переправились на другой берег. Там, неожиданно для всех, они были встречены французами, которые их поместили, теперь уже, в свой лагерь. Позднее стало известно, что французы знали об их приключениях, если не все, то многое.

Ну, а дальше? Дальше – снова мягкие кровати, хорошие условия, пища, которая советским солдатам после родной перловки на Родине, казалась пищей богов. Но главное, что поразило всех – отличный кофе, о существовании которого до африканских приключений они даже толком себе и не представляли.

Однако, как бы там ни было, в каких бы райских условиях они не были, неволя оставалась неволей. И через месяц новый побег. А поскольку лагерь не охранялся, обошлось все без жертв. Погони также никакой не было. В джунглях, где все оказались, панике никто не поддавался. Ребята быстро научились добывать пропитание и, ориентируясь по звездам, вышли к реке, которая буквально кишела крокодилами.

На ближайшей пристани захватили небольшой парашодик и на нем добрались до самого крупного порта на побережье – Матади. На рейде стояло довольно много разных кораблей. Были среди них и советские. Однако радость оттого, что появилась реальная возможность вернуться на Родину, была преждевременной. Вахтенные своих, родных советских кораблей, не подпустили их даже к трапу...

- Ох, как горько и обидно было, – говорил корреспонденту Сперксис, – Родина выбросила нас, как мусор из помойного ведра, без жалости и сожаления.

Но еще хуже пришлось тем, у кого тогда не хватило смелости бежать из первого, конголезского лагеря. Пробыв в лагере три с половиной года, многие, среди которых были и все находившиеся с отрядом офицеры, заболели тропическими болезнями. Несколько бойцов умерли. Но ни они, ни их семьи, за три года проведенные без кормильцев, не получили ни компенсации, ни зарплаты.

Последняя надежда была на советское посольство. Но там, выслушав оборванных соотечественников, сообщили, что «советское правительство никого никуда не направляло, поскольку никогда не вмешивается в дела других государств».

Вот так. Выполняя интернациональный долг, страна не спешила отдавать долги своим собственным гражданам, которых в угоду собственным политическим амбициям бросила на другой конец земного шара.

Увидев, что их собственная страна от них отказывается, солдаты не пали духом. Они решили подойти к этому делу с другой стороны. Отправились в фотосалон и сфотографировались на фоне картины, где были изображены местные жители, собирающие урожай. Вождь племени балуба, выпускник советского вуза, согласился выдать солдатам справку, что вышеперечисленные военнослужащие находились на сельхоз-

работах в возглавляемом им африканском племени. Однако и это на сотрудников советского посольства не произвело никакого внимания. Как это было ни больно и горько, но все вдруг поняли – Родина от них отказалась. Они ей больше не нужны. Они для нее просто не существуют.

Чужая страна... Чужие люди... и ни гроша в кармане. На работу никто не берет. Пришлось даже просить милостыню. Подавали в основном бананы и какие-то экзотические фрукты. Но разве это еда для молодых здоровых мужиков!

Прошло какое-то время... Однажды к ним подошли французские офицеры и предложили поступить в Иностраннный легион. И все, как один, согласились.

Служба сначала казалась довольно легкой и необременительной. А потом, когда их направили в Алжир, где уже семь лет шла война между французами и Фронтом национального освобождения Алжира, для всех наступил ад. Изнуряющая жара, постоянная жажда, пыль, бои в пустыне. От раскаленной стали автоматов на руках оставались волдыри. Но самым обидным было то, что били по ним из советских пушек, минометов и родных ПППШ. Свободолюбивому братскому народу Алжира, в порядке все той же интернациональной помощи, вооружение поставлял Советский Союз. И вдвойне обидно им было, когда стало известно, что в войсках Фронта национального освобождения, находятся их соотечественники – военные советники.

Прослужил Сперксис с товарищами в Алжире три долгих года. Стал капралом. Был награжден звездой – высшей наградой Франции. И к тому времени, когда генерал де Голь решил прекратить эту долгую войну, из 270 вступивших в легион советских солдат, осталось только 100. Остальные погибли.

После окончания войны Сперксис с оставшимися в живых товарищами оказался в Париже. Домой вернулись не все. Человек двадцать остались во Франции. И, тем не менее, вернувшихся на Родину солдат приняли, как воинов-интернационалистов, наградили грамотами и даже сфотографировали перед знаменем части. Сперксис говорит, что африканскую операцию проводило ГРУ, не поставив в известность КГБ. И благодаря этой несогласованности двух мощественных ведомств, легионеры избежали военного трибунала.

С этим мнением не согласен Н. Анисимов. По его словам, этому противоречит и тот факт, что к группе военнослужащих отправленных в Конго, был командирован оперативный сотрудник особого отдела КГБ, который, к несчастью, умер еще в первом конголезском лагере от малярии.

А расследование действительно было. Несколько высокопоставленных сотрудников этих ведомств понесли тогда суровое наказание.

Ян Михайлович Сперксис в 2001 году проживал в г. Могилеве...

Подготовил С. Олейник

От редакции: если кто-то из читателей «Интернационалиста» владеет информацией или координатами советских воинов, о которых идет речь в статье, просим сообщить нам.

Ведущий рубрики: **Ломакин Геннадий Иванович** — воин-интернационалист, инвалид I-й группы, заместитель председателя ХГСВА по работе с инвалидами

МИКСТЫ. КТО ОНИ?

Это люди, пережившие двойное потрясение: ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и воинскую службу — боевой путь при выполнении интернационального долга в Афганистане. Многие из них уже ушли из жизни...

Как живут сегодня миксты? Чем занимаются? Об этом и многом другом хочу поведать нашим читателям.

К Николаю Светлову, инвалиду войны 2-й группы, ликвидатору последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС мы пришли с Игорем Землянским. Наша дружеская беседа началась с традиционного чаепития и воспоминаний о той, уже далекой афганской войне.

- Николай Николаевич, расскажите нам немного о себе.

- Родился 7 января 1950 года в Харькове. Получив среднее образование в 18-й средней школе, поступил учиться в

танковое училище, после окончания которого остался служить в батальоне обеспечения. Командовал взводом, ротой, затем работал курсовым офицером в курсантском подразделении. До 1986 года сделал три выпуска офицеров.

В 1986 году перевелся в Новомосковск, заместителем начальника штаба полка Черкасской дивизии.

Когда произошла страшная трагедия на атомной станции, я поехал в Чернобыль помогать ликвидировать ее последствия. Там, будучи начальником оперативного отделения 25-й бригады химзащиты, я получил предельно допустимую дозу радиации. А потом поехал служить в Афганистан... Это произошло перед выводом советских войск из Афгана. В составе Рухинского полка возвращался в Союз.

- Хочу спросить о ваших Чернобыльских впечатлениях. Правительство и страна были готовы к такой ситуации?

- Задачи, которые стояли перед нами — это дегазация и дезактивация 4-го энергоблока. Сама станция находится между Чернобылем и Припятью, а мой кабинет находился в самом энергоблоке. Меня тогда поразила пустыньность Чернобыльских мест — многие люди, выезжая, вывозили все. Присутствовало и мародерство. Народ лез в железнодорожные склады, находящиеся рядом с реактором: все разбивал, курочил...

Страна, конечно же, не была готова к трагедии такого масштаба. Ликвидаторам нельзя было получать больше одного рентгена в день. Ну, максимум — полтора. Велся накопительный предельно допустимый уровень полученной месячной дозы радиации. И по этому я распределял людей в три смены. И, казалось бы, взрослые люди — водители 40-46 лет, но вместо того чтобы соблюдать строжайшие меры безопасности (перед въездом в зону одевать «лепестки», принимать таблетки за полчаса до въезда и во время работы в зоне), говорили мне, что им все ни по чем: «Майор, никакой рентген меня не возьмет!». Они просто сгорали в течение суток, получая всю грязь вовнутрь.

- По каким критериям люди ехали в Чернобыль?

- По исследованиям Московского института при анкетировании в начале трагедии 80% людей ехали в Чернобыль «по зову сердца» и всего — 20% заработать деньги (был апрель 1986 г.). А уже в конце года, начале 1987-го ситуация поменялась в корне — одни понимая, что это все чревато большими последствиями для здоровья, любыми путями уходили в сторону, а другие — просто шли заработать деньги, ведь платили хорошо.

Находились так же добровольцы, которые шли выполнять «аккордные» работы по очистке кровли 4-го энергоблока. И отработав 10-15 минут на крыше, получив при этом 15 рентген облучения — практически месячную дозу, уезжали на следующий день домой.

Ехали даже по второму разу, так и мне пришел повторный вызов, но командир дивизии, учитывая, что предельно допустимая доза уже получена, не разрешил командировку.

И все же были ребята (процентов двадцать), которые верили, что «чернобыльскую грязь» необходимо закрыть любой ценой, и мужественно и самоотверженно выполняли свой долг.

Зато практически сразу после командировки на 4-й реактор попал служить в Афганистан в Панджшерское ущелье в Рухинский полк в качестве заместителя, а затем начальником штаба полка Баграмской дивизии.

- Какие впечатления от службы в Афганистане вам больше всего запомнились?

- Вот в наших кругах говорят о женщинах, которые там служили: «Мы знаем, зачем они ехали»... А вот у нас, например, медсестра надевала маскхалат, брала автомат, аптечку и шла на горные заставы к больным гепатитом ребятам, ведь вертолеты прилетали не часто, а откуда с точки их снимут, приходилось ждать неделями. А медицинской помощи ждать было неоткуда. Она выполняла боевые задачи наравне с мужчинами.

- Чем вы занимаетесь сейчас?

- С 1995 года, после увольнения в запас, работаю в городском КРУ заместителем начальника по хозяйственной части.

- У вас, наверное, много боевых товарищей не только по Афгану, но и по ЧАЭС. Как вы с ними поддерживаете отношения?

- 15-го февраля и 26-го апреля мы всегда встречаемся у памятника погибшим в Афганистане и у памятника «чернобыльцам». Бывшие сослуживцы не только звонят по телефону, но и заходят ко мне просто посидеть, вспомнить о тех днях... Это и Валерий Попов, бывший начальник танкового училища вместе с которым выходили из Чернобыля, и Виктор Борзов, с которым в Афганистане служили рядом, и бывший военком Клынкин, и Иван Орлов и многие другие. Ведь нам есть, о чем вспомнить и поговорить.

Встречаюсь с однополчанами и в День танкиста. В том году из Украины собралось более 120-ти человек — выпускников училища 1986 года. Многие из них также были и в Чернобыле, и в Афганистане. В том году на встрече микстов генерал армии Вареников вручил мне медаль комитета стран СНГ «Ветеран боевых действий».

- Мы вот с Игорем Землянским, Леонидом Куликовым и рядом других наших боевых товарищей собираем хронику афганских событий. Недавно сделали фотовыставку. У вас возможно тоже есть фото, видеоматериалы?

- Конечно. Ведь будучи начальником штаба, мне приходилось и по своей службе вести оперативные разработки, заниматься боевым обеспечением и многим другим. Так что в моем домашнем фотоархиве есть много интересных фотографий, таких как панорама Алухи. Есть хроника и по Чернобылю... Я буду рад поделиться с вами...

ЧАСТЬ ДОЛГОГО ПУТИ ОТ РЯДОВОГО ДО ПОЛКОВНИКА

Об авторе: Георгий Яковлевич Дьяченко родился на Харьковщине в с. Крутояровка, Кегичевского района. Окончил школу, Панютинское железнодорожное училище. Работал слесарем по ремонту паровозов. Срочную службу проходил в Германии на урановых шахтах, после чего окончил пограничное училище в городе Харькове в 1957 году. Служил в пограничных войсках Закавказского, Среднеазиатского и Западного пограничных округов. Участвовал в Афганских событиях 1980-1981 годах. Окончил службу в управлении службы безопасности по Харьковской области в 1985 году (в те годы КГБ).

Полковник в отставке. С августа 1985 года на пенсии. Инвалид I-й группы.

Прежде чем мне пришлось участвовать в боевой деятельности пограничных войск в Афганистане, я прошел долгий путь от рядового бойца Красной армии до полковника пограничных войск. Военную службу начал 4 сентября 1953 года. В этот день товарным эшеленом со станции Сортировка г. Харькова мы, призывники, были отправлены в г. Броды Львовской области, где была проведена подготовка по двухмесячному курсу молодого бойца. Оттуда нас, молодых солдат, отправили в ГДР в город Йоганнзеоргенштадт для охраны особо важных объектов (урановых шахт и обогатительной урановой фабрики). После двух лет службы в ГДР, был направлен в Харьков на учебу в военное пограничное училище МВД.

По окончании училища в 1957 году получил назначение в Азербайджанский пограничный округ (с 1959 года Закавказский пограничный округ). В Закавказье прослужил 17 лет, одновременно окончил заочно Ленинградскую академию тыла и транспорта. Служил на разных должностях. От офицера продовольственно-фуражной службы до заместителя командира пограничного отряда по тылу. Округ в оперативном плане был очень сложный и ответственный, отличался слаборазвитой дорожной сетью. Служил в 127, 128, 40 и 10 пограничных отрядах. Самый сложный, если не в оперативном, то в географическом плане был 10-й пограничный. Место дислокации управления отряда Хичаури Аджарская АССР, от г. Батуми в горы 65 км. Отсутствие дорог, пересеченная горная местность. Постоянные осадки в виде дождя, туманы. В зимний период снег ложился толщиной до 7 метров. Грузы на пограничные заставы доставлялись только в летний период, тракторами или вьюками на лошадей.

В зимний период личный состав передвигался только на лыжах или на снегоступах. В особых случаях некоторых женщин и больных тягали на специальных волокушах. В таких условиях часто гибли, при различных обстоятельствах, солдаты, офицеры, их жены и дети. Самому мне тоже несколько раз приходилось попадать под снежные оползни и автомобильные аварии, однако к счастью все обошлось благополучно, если не считать

перенесенных воспалений легких.

В 1974 году меня назначили на должность заместителя начальника тыла Среднеазиатского пограничного округа. Тяжело было расставаться с Закавказьем, как никак 17 лет было отдано этому округу, но все же, выдвигали на вышестоящую должность, надо было соглашаться. Это был по-своему очень тяжелый округ. По климатическим условиям и самое неприятное то, что пограничные отряды, комендатуры и заставы не были обеспечены надлежащими бытовыми условиями. Среднеазиатский пограничный округ дислоцировался от г. Красноводска, что на Каспийском море и заканчивался на востоке Памира — охранял три союзные республики — Туркмению, Узбекистан, Таджикистан. Граница проходила по горам Копет-Дага, пескам Кара-Кума, по горам Памира. Летом температура воздуха в отдельные дни доходила до пятидесяти градусов, а постоянная — за 40° С. В таких условиях округ с поставленной задачей справлялся. Тому свидетельство 8 мая 1974 Среднеазиатский пограничный округ был награжден орденом «Боевого красного знамени».

В бытовых условиях отряды и заставы округа находились в тяжелом положении. Нет необходимости эти условия быта перечислять. Скажу словами командующего округа генерал-лейтенанта Ю. Нешумова о том, что округ, в который я прибыл, находится в состоянии средневековья.

Участие пограничников, начиная с января 1980 года, в афганских событиях проводилось в строгой секретности, поэтому погранвойска постепенно втягивались в боевые действия с бандитами-грабителями местного населения и распространителями наркотиков. Буквально в первых числах января в Управление войск округа прибыл из Москвы начальник штаба пограничных войск союза генерал-лейтенант Нешумов Ю.А. и поставил задачу командующему Среднеазиатского пограничного округа генерал-майору Карпову И.Г., чтобы в районе Хорога на сопредельной стороне взорвали горную тропу, которая была больше похожа на карниз по которому устремились беженцы из Афганистана в Пакистан. С этого момента

тыл округа начал выполнять задачу материально-технического обеспечения боевых действий войск.

Для подрыва необходимо было преодолеть водную преграду с бурным течением реки Пяндж. С этой целью произвели экипировку личного состава надувными лодками, веревками взрывмашинками и другим снаряжением. Руководил подрывом троп начальник инженерного отдела округа полковник Чернобрывкин В.Н. Это было началом действий. Затем последовало строительство блиндажей, подготовка траншей, укладка малозаметных заграждений (МЗЗ) и мин различного назначения. В настоящее время Чернобрывкин В.Н. живет в Киеве.

Одновременно последовал приказ о подготовке боевых групп, позже названных СБО (сводно-боевые отряды). Эти боевые отряды предназначались для ведения боевых действий с боевыми группами, которые противостояли законным властям Афганистана. Как правило, действиями СБО руководили начальники пограничных отрядов, начальники штабов или их заместители.

В первые дни января, февраля 1980 года, после тщательной разведки и сбора оперативных данных о противнике, высадку СБО произвели в населенных пунктах Чахиаб, Рустак, Янгикала, Хаун, Калай-Куф, Рахат.

В начальный период выполнялись задачи только силами пограничного округа. В конце февраля 1980 года в округ начал поступать личный состав других округов. Так из Восточного округа прибыли две минометные батареи, из других округов — вертолеты и группы личного состава. Так постепенно наращивались силы и боевая мощь войск, действующих в Афганистане. А в войсках округа образовался большой отрыв личного состава. Конечно, это не отразилось на качестве охраны границы, но зато отразилось на личном составе, который нес службу, вместо 8 часов — по 12 часов и более в сутки. На офицерский состав нагрузка увеличилась в несколько раз больше, чем на солдат. Боевую задачу округ выполнял по всей Афгано-Советской границе и на глубину до 100 км в Афганистан.

Материально-техническое обеспечение сводно-боевых и мотоманевренных групп (ММГ) было усложнено из-за водной преграды реки Пяндж, горной местности, отсутствием каких-либо дорог на территории Афганистана. До афганских событий пограничные части материально-техническими средствами комплектовались в соответствии с выполняемыми ими задачами. Но с постановкой округу задачи по ведению боевых действий на территории Афганистана, тыл округа оказался по многим позициям практически не готов.

Не было средств доставки грузов в СБО на территорию Афганистана. Отсутствовал на 80% наливной автотранспорт, а плечо подвоза материальных средств от Душанбе до Московского и Пянджского пограничных отрядов — 250 км, до Хорога — 500 км, от Оши до Хорога — 700 км. Для приема и хранения горючего не было резиново-тканевых резервуаров, установок для фильтрации горючего, воды и других материальных средств. Личный состав нужно было укрыть от противника и холода в блиндажах в скалистом грунте. Для этого требовался лесоматериал, малозаметные заграждения (МЗЗ). Не было дезинфекционных душевых установок (ДДА) на автомобиле. Но главное — не было достаточно топлива (керосина) для вертолетов, не было НУРСов, бомб и других видов вооружения.

Для доставки грузов в СБО использовались вертолеты, когда в зимний период уровень воды в реке Пяндж снижался, через бурную и коварную реку отправляли автоколонны с различными материальными и стратеги-

ческими грузами. Переправа осуществлялась с риском для груза, транспорта, а главное с риском для личного состава: водителей, охраны и старших колонн. Практически постоянно эту очень ответственную задачу в качестве старшего колонны выполняли подполковник Сивак В.П. и полковник Гусаров Б.Ф.

Но чаще всего доставку грузов в СБО осуществляли пограничники летчики вертолетов Ми-8т, Ми-8в. Иногда для доставки в СБО или ММГ крупногабаритных грузов: автомобилей, БТР, походных кухонь использовали вертолет Ми-6, который принадлежал воздушной армии ТуркВО. И доставался он нам не без труда. В последующем, такой вертолет был в Душанбинском авиаполку, что ускоряло доставку габаритных грузов. Летчики вертолетов проявляли мужество, героизм и терпимость. Трудно все это описать. Когда на тот период самих вертолетов, не говоря уже о топливе к ним, которого катастрофически не хватало.

Вылетая на разведку, вертолет загружали, помимо боевого снаряжения, продовольствием, вещевым имуществом, дровами, углем и другими видами материальных средств. Некоторые летчики не допускали ни малейшей перегрузки машины, ибо вертолет снижал маневренность и боевую способность. Но, учитывая необеспеченность, как вертолетами, так и топливом, отдельные летчики, идя на выполнения боевой задачи, без приказов, сами проявляли инициативу по загрузке вертолета материальными средствами. Они понимали, что там, в окопах, бойцы ждут боеприпасы, продовольствие и другое имущество, и, как правило, успешно выполняли эту задачу.

Так летчик, тогда еще капитан Фарид Шагалиев показывая мастерское владение вертолетом и недюжинную смелость, творил в воздухе чудеса. Мне лично приходилось неоднократно летать в его машине и быть свидетелем его бесстрашных полетов. Фарид загружал свою машину до тех пор, пока винты могли оторвать вертолет от земли. Посадить перегруженный вертолет в горах, не имея надежной посадочной площадки, на небольшом выступе горы мог выполнить не каждый летчик, а Фарид делал это. Я еще в 1980 году поверил в то, что этот трудолюбивый и мужественный летчик обязательно будет героем. Так и стало в 1982 году — Фарид Шагалиев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Многие летчики проявляли отвагу и героизм при выполнении боевых полетов. Не всем удавалось вернуться на базу невредимыми. Так командиру 4-й авиаэскадрилии подполковнику Захарову Б.И., которого душманы подбили в районе Рахак в феврале 1980 года, вертолет спасти не удалось. Экипаж получил различные травмы, сам командир при этом сломал ключицу. Этому случаю командование огласки не придало. Командир Захаров Б.И. уволен, но инвалидности не имеет, хотя эта травма оставила след.

При полетах иногда было незаметно, что по вертолету стреляют, а когда прилетишь к месту, то летчики показывают так называемые «шрамы» — пробоины в корпусе фюзеляжа. «Вот посмотрите, товарищ полковник, как мы с вами летали, могли бы не долететь» — поясняли они мне. Конечно, такие случаи были не всегда, но повторялись часто. Обстреливали душманы наши вертолеты как снизу по днищу, так и сверху, используя горные ущелья.

При выполнении задачи, в пунктах дислокации боевых групп на обратный путь вертолеты загружались заболевшими и ранеными.

В районе боевых действий 1980-81 годах действовали банды различной численности от 5 до 200 и более человек.

Боевыми действиями банд руководил инженер Башир, который обладал хорошими способностями организации боевых действий. Инженером его прозвали за учебу на инженерном факультете Кабульского института, который он не окончил. Бандами вблизи нашей границы руководили бандиты Абдула-Вахаб, Алодат-Самаз, Закир, Саид Мухно. Но, например, банде Саида Мухно не пришлось долго воевать. Его банда в районе Чахиаба была разгромлена, и Саид Мухно был убит.

Бои с бандами были жестокими и сложными. Можете себе представить всю ситуацию по расходу боеприпасов одной группы по уничтожению банды. За одну операцию израсходовано:

- Патроны с обыкновенной пулей обр. 1943 г. — 28020;
- Патроны с трассирующей пулей — 16380;
- Патроны винтовочные 7,62 мм — 32040;
- Патроны к АК-74 5,45 мм — 10820;
- Гранаты гранатометов ВОГ-17 — 1056; ОГ-9 — 365; ПГ-9 — 144; ПГ-76 — 84;
- Ручные гранаты РГД-5 — 60;
- Авиацией и вертолетами было израсходовано НУРСов — 2415; бомбы ОФАБ — 21; патроны 12,7 мм — 4290.

Все проводимые операции по уничтожению бандитских формирований тщательно готовились командующим округа или его заместителем. Начинать организацию боевых действий войск округа генерал-майор Карпов И.Г., который получил боевое крещение будучи начальником пограничного отряда Восточного пограничного округа в 1967 году с китайцами. За что был отмечен высокими правительственными наградами и получил право учиться в Академии Генерального штаба. При разработке им операций преследовалась цель — уничтожить бандформирование и исключить потери личного состава. С этой целью проводилась тщательная разведка с вертолетов и наземными средствами. В наземной разведке участвовали офицеры узбекской и таджикской национальностей, а также афганцы, лояльно относившиеся к нашему государству.

Так припоминаю, как с заместителем начальника штаба округа полковником Харичевым мы вылетали в назначенный район за получением информации по бандитским формированиям и их дислокации. Для более ясного представления организации операции по уничтожению крупной банды, которая окопалась в скалах узкого ущелья гор Памира.

Приведу коротко один эпизод. Задачу выполняли во второй половине февраля 1980 года на восточном Памире в районе поселка Ишкашим. В начале января 1980 года в брод через реку Пяндж проследовал мотострелковый полк (МСП) вооруженных сил, в сторону г. Файзабада. Но при входе в ущелье, полк был как бы разделен на две части. В горах окопалась большая банда, которая взрывом завалила проход и огневым налетом нанесла полку значительные потери. Два батальона, спешно, чтобы избежать больших потерь ушли в сторону Файзабада. Третий мотострелковый батальон и все хозяйственные подразделения с запасами материальных средств остались на противоположной стороне завала. Пробриться они к своим основным силам, через завал и банду, ведущую постоянный ружейно-пулеметный огонь, не смогли. Батальон остался неуправляемым и «дрейфовал» около 40-50 дней в горной небольшой долине. Командующий округа генерал-майор Карпов И.Г. получил приказ командующего пограничными войсками генерала армии Матросова В.А.: уничтожить банду, окопавшуюся в скалистых горах и препятствующую продвижению войск.

Всю подготовку операции сложно описать и нет необходимости, а вкратце выглядело это так. За несколько дней до операции проводилась тщательная разведка воздушными и наземными средствами. Вертолеты, как правило, ежедневно с наступлением рассвета над горной местностью, где находился противник, производили разведку. Тем самым банда привыкла к не беспокоившим их полетам вертолетов. А в это время на небольшом удалении от противника накапливались боевые средства: две минометные батареи, укомплектованные гранатометами, НУРСами, бомбами ОФАБ-100 и ОФАБ-120, крупнокалиберными пулеметами, патронами 12,7 мм и 14,5 мм, патронами к стрелковому оружию и другими видами боеприпасов.

Используя фактор внезапности, с приближением рассвета, боевая группа под командованием генерал-майора Карпова вплотную приблизилась к ущелью, и с наступлением рассвета, вертолеты приступили к нанесению удара по группировке бандитов. Бандиты не ожидали таких действий и настоящего сопротивления оказать просто не успели. Операция завершилась успешно. С нашей стороны не было ни потерь, ни раненых, а бандиты были уничтожены.

Аналогично проводились и другие операции, а поэтому за девять лет ведения боевых действий на участке Советско-Афганской границы, протяженностью более 2 тысяч километров, потери составили 518 человек (офицеров — 130, прапорщиков — 17, сержантов — 97, рядовых — 332) и раненых немногим более 2000 человек. Это говорит о высокой качественной подготовке офицеров пограничников и их ответственности за судьбы солдат.

Я выше упомянул реку Пяндж с сильным течением, через которую была затруднена доставка грузов в СБО. Но были и не менее сложные условия, связанные с горными дорогами Памира, которые необходимо было поддерживать на нужном направлении для доставки грузов. Так начальник тыла полковник Василенко Л.В. при температуре ниже 30 градусов мороза на горном перевале рассчитал дорогу, рискуя всем: здоровьем, своей жизнью, жизнью бульдозеристов, а также техникой, пробивая во льду улегшийся снег для доставки автотранспортом необходимых грузов.

Хочется отметить, что обеспечение не сводилось только к обеспечению военных подразделений. Занимались организацией питания пленных и беженцев. Норма на одного человека в сутки определялась такая: хлеб ржаной — 600 гр.; хлеб белый — 200 гр.; крупа разная — 120 гр.; мясо — 100 гр.; сахар — 40 гр.; жир кулинарный — 30 гр.; овощи и картофель — 820 гр.; разовая выдача мыла — 100 гр.

Для мирного населения изыскивались возможности в частичном обеспечении солью, керосином, особенно часто раздавали керосин летчики вертолетов.

Министр торговли Туркмении Рыбалов изыскивал возможности выделять промышленные товары, которые раздавались жителям провинций, где находились наши подразделения.

Гигантскую работу, которую организовал тыл округа совместно с тылами пограничных отрядов. Рискую жизнью, а иногда и с боевыми потерями в кратком изложении описать невозможно. Хочется выразить и сказать большое спасибо всем участникам боевых действий, которые еще долго после марта 1981 года организовывали и проводили мероприятия материально-технического снабжения войск на территории Афганистана.

Георгий Дьяченко, полковник в отставке

Жаркое небо Афганистана

(Продолжение. Начало см. №1-2 (2007))

Штурмовики

Уже первый опыт использования авиации в Афганистане показал ее недостаточную эффективность. Помимо неподготовленности летчиков к ведению противопартизанской войны и недостатков тактики, сами самолеты слабо соответствовали характеру боевых действий. Сверхзвуковым истребителям-бомбардировщикам, созданным для европейского ТВД, было не развернуться в горных теснинах, а их сложное прицельно-навигационное оборудование оказывалось практически бесполезным при поиске малозаметного противника. Возможности самолетов оставались не востребуемыми, а результативность ударов — низкой. Подходящей машиной оказался штурмовик Су-25 — маневренный, послушный в управлении, отлично вооруженный и защищенный. По итогам опробования в Афганистане (операция «Ромб-1», в ходе которой первые два опытных самолета в апреле — июне 1980 года испытывались в боевых условиях) он получил высокую оценку военных. Едва завершилась программа испытаний, в феврале 1981 года начали формирование первой строевой части на Су-25 — 80-го отдельного штурмового авиаполка (ОШАП) в Ситал-Чае на каспийском побережье в 65 км от Баку. Близость завода-изготовителя упрощала освоение машины и решение проблем, связанных с началом эксплуатации, а находившийся неподалеку полигон ЗаКВО должен был помочь летчикам освоить пилотирование в горной местности — ни для кого не было секретом, что часть готовится к отправке в ДРА. Первые 12 серийных Су-25 полк получил в апреле. Поначалу «конек-горбун» (это прозвище Су-25 успел получить от министра авиапромышленности П.В. Деметьева) на толстенных колесах не вызвал энтузиазма среди летчиков, и отнюдь не от недоверия к новой технике: переходя на штурмовик, они лишались сверхзвукового пайка и прибавки к окладу.

Потребность в Су-25 была очень велика, и прилетевший 28 апреля 1981 года в Ситал-Чай заместитель Главкома ВВС А.Н. Ефимов поставил задачу: в срочном порядке подготовить для работы в ДРА эскадрилью из имевшихся машин и освоивших их летчиков. Командиром 200-й отдельной штурмовой авиаэскадрильи (ОШАЭ) назначили заместителя командира полка по летной подготовке А.М. Афанасьева. Для ускорения переучивания привлекли летчиков-испытателей и инструкторов Липецкого центра боевой подготовки ВВС — «высшей школы» военных летчиков, а часть сдаточных испытаний и настройки бортового оборудования еще «полусырых» машин провели на полигоне НИИ ВВС.

19 июля 1981 года 200-я эскадрилья, работу которой закодировали названием «Операция «Экзамен»» («Ромб-2»), прибыла в ДРА. Местом базирования выбрали Шинданд — крупную авиабазу, уже обкатанную Су-25 в ходе испытаний 1980 года. Шинданд находился в относительно спокойном, по сравнению с центральными и восточными провинциями, районе и среди других афганских аэродромов считался низинным — его почти трехкилометровая бетонка располагалась на высоте 1150 м и была более чем достаточной для Су-25.

Штурмовикам Шиндандской авиабазы предстояло поддерживать дислоцированные в этих местах советскую 5-ю мотострелковую дивизию, которой тогда командовал полковник Б.В. Громов, и 21-ю пехотную бригаду правительственных войск. К боевой работе Су-25 приступили уже через несколько дней после прибытия. В это время шли бои за горный массив Луркох неподалеку от Шинданда — высившееся среди равнины непроходимое нагромождение скал, занимавшее несколько десятков километров. В созданной самой природой крепости находился базовый лагерь, откуда душманы совершали набеги на близлежащие дороги и нападали на военные посты. Подступы к Луркоху защищали минные поля, скальные и бетонные укрепления, буквально каждый излом ущелий и тропу прикрывали огневые точки. Пользуясь неуязвимостью, противник стал использовать Луркох и как командный пункт, где собиравлись вожаки окрестных банд. Неоднократные попытки захвата горного массива успеха не имели. Командование приняло решение отказаться от атак в лоб, перейдя к ежедневным мощным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам, которые бы заставили противника покинуть обжитой лагерь. Снаружи Лур-

кох окружили плотными минными полями, проходы и тропы внутри массива периодически также засыпали минами с воздуха.

Для оценки эффективности действий штурмовиков в ДРА прибыл военный летчик генерал-майор В. Хахалов, имевший поручение Главкома ВВС лично оценивать результаты ударов Су-25. После очередного налета пара вертолетов Хахалова отправилась в глубь Луркоха. Обрато генерал уже не вернулся. Вертолет с ним был сбит и упал недалеко от базы душманов. Гибель Хахалова заставила изменить ход операции — на штурм Луркоха бросили десантников, пробившихся к центру укрепленного района, чтобы забрать тела генерала и погибших с ним летчиков. После недели боев, стоивших жизни еще восьми человек, войска заняли базу, взорвали ее укрепления и, еще раз заминировав весь район, покинули его.

Штурмовики 200-й ОШАЭ участвовали и в борьбе за Герат, находившийся в 120 км на север от Шинданда и ставший центром оппозиции на западе страны. Здешние банды действовали прямо в городе, разделив его на сферы влияния и воюя не только с правительственными войсками, но и между собой. Тут же находились опорные пункты, запасы оружия и боеприпасов. Су-25 приходилось наносить удары прямо в городе по контролируемым душманами кварталам и указанным разведкой домам. Работы хватало и в окрестностях Герата — бескрайней зеленой зоне и примыкавшей к ней долине Герируда. Орудовавшим в провинциях Герат и Фарах отрядам опорой служили многочисленные кишлаки, снабжавшие моджахедов пропитанием и пополнением. Тут же они находили отдых и ночлег, получая оружие с близлежащих баз в Иране. Самым видным из здешних полевых командиров был Туран Исмаил, в прошлом армейский капитан, перешедший к моджахедам после апрельской революции. Военный опыт, грамотность и требовательность быстро позволили ему стать местным эмиром, во власти которого находились семь провинций и армия в пять тысяч боевиков. Под прикрытием «зеленки» — обширных зарослей кустарника, садов и виноградников — моджахеды подбирались к расположению воинских частей, грабили и жгли автоколонны, а после атак мгновенно растворялись в окрестных селениях, и отыскать их в этих местах, особенно с воздуха, было не легче, чем в горах.

В воздухе над долинами постоянно висела поднимающаяся до 1500 м пыльная пелена, ухудшавшая видимость и уже в нескольких километрах скрывавшая ориентиры. В сезон пыльных бурь и налетавшего из пустыни жаркого «афганца» спасения от нее не было нигде, и из-под люков и капотов возвращавшихся штурмовиков горстями выгребали набившийся песок. Особенно трудно приходилось двигателям — песок, подобно наждаку, грыз лопатки компрессоров, а доходившая до +52° С жара затрудняла запуск. Бывали случаи, когда вилка АПА намертво пригорала к бортовому электроразъему. В спешке кабель рубили лежавшим наготове топором, и самолет улетал с висевшими обрывками проводов. Поиск противника отнимал время, и для увеличения продолжительности полета большинство заданий приходилось выполнять с парой подвесных баков ПТБ-800 (Су-25 задумывался для работы в прифронтовой полосе, и с запасом топлива во внутренних баках его радиус действия не превышал 250-300 км).

С сентября 1981 года плановые боевые действия начались на юге страны в Кандагаре, также входившем в зону ответственности 200-й ОШАЭ. Второй по величине город Афганистана, старинный центр торговли и ремесел занимал важнейшее стратегическое положение, позволявшее контролировать все южное направление. Через Кандагар проходили основные дороги и караванные пути, в том числе и единственное в стране шоссе, связывавшее все крупные города и подковой опоясывавшее страну. Привлекательна для моджахедов была и близость Кандагара к пакистанской границе. 70-я мотострелковая бригада советского контингента, направленная в Кандагар, сразу же была втянута в нескончаемые боевые действия, от которых зависела ситуация на дорогах и положение в самом городе. Многочисленные отряды, обосновавшиеся в «зеленке» вокруг города, порой неделями блокировали гарнизон, не пропуская в Кандагар ни одной машины. С севера к Кандагару подступали горы Майванда, где опорными пунктами моджахедов

служили крепости, сохранившиеся еще со времен войн с англичанами.

В горных теснинах особенно пригодились высокая маневренность Су-25. Перекрестный огонь с высот превращал ущелья в ловушку для вошедших в них солдат, туда не всегда удавалось подтянуть артиллерию и танки, и на помощь приходили штурмовики.

Су-25 нырял в узкие каменные мешки, куда не рисковали снижаться другие самолеты, заходя на цель вдоль ущелья или, если позволяла ширина, скатываясь вниз вдоль одного склона и буквально выползая из атаки по другому. В Черных Горах северозападнее Кандагара одному из летчиков 200-й ОШАЭ в октябре 1981 года удалось подавить огневую точку, спрятанную в скалах в конце длинного извилистого ущелья. Попытки бомбить ее сверху успеха не принесли, и Су-25 пришлось войти в темный провал, лавируя, пронестись по нему и, нанеся точный удар, крутым боевым разворотом выбраться наружу.

Малый радиус виража Су-25 (450-500 м) помогал летчикам при построении атаки: после обнаружения цели можно было тут же круто повернуть на нее, а при повторных заходах выразить, не упуская противника из виду, и добивать, экономно расходуя боезапас. Пилоты скоростных Су-17 и МиГ-21, разворачиваясь для очередного удара, нередко не могли снова отыскать цель, «лишенную четких демаскирующих признаков».

Благодаря большой площади крыла и мощной механизации Су-25 выгодно отличался от других машин хорошими взлетно-посадочными качествами. Штурмовиком с максимальной боевой нагрузкой до 4000 кг хватало для разбега 1200-1300 м, в то время как базировавшиеся в Шиндане Су-17 уже с парой бомб отрывались от земли лишь в самом конце полосы. В состав подвесного вооружения «двадцать пятых» входили НАР, РБК, фугасные и осколочные бомбы. В долинах чаще применялись 100 и 250-кг бомбы, достаточные для разрушения глинобитных строений; в горах, изобиловавших естественными укрытиями, становилась необходимой фугасная мощь «пятисоток». Максимальный вариант из восьми «пятисоток» не был исключением, нередко подвешивали и до 22 «соток» на многозамковых держателях МБД-2-67у. В зеленых зонах и кишлаках, где находилось, чему гореть, использовали зажигательные баки и бомбы. Загущенная для липучести смесь бензина и керосина полутонного бака ЗБ-500ГД накрывала огненным ковром площадь 1300 кв.м, а в снаряжение ЗАБ, кроме того, входила пропитанная огнесмесью ветошь, разлетающаяся вокруг и вызывавшая множество новых пожаров.

Широко использовались осколочно-фугасные НАР С-5М и С-5МО из 32-зарядных блоков УБ-32-57. Одним залпом они накрывали до 200-400 кв.м, лишая противника одного из важнейших преимуществ — умения прятаться и быстро рассредотачиваться на местности. На цель обычно делали 2-3 захода, пуская с пикирования по 8-12 ракет в залпе. В полете с блоками следовало учитывать значительный рост сопротивления: уже при подвеске четырех УБ-32-57 штурмовик хуже слушался рулей, проседал на выходе из пикирования, теряя высоту и скорость — особенность, которой не было при использовании бомб, так как их сброс сразу освобождал самолет для маневра. Малокалиберные НАР постепенно заменялись более мощными 80-мм С-8, применявшимися в разных вариантах: С-8М с усиленным осколочным действием, С-8ВМ с прочной тяжелой БЧ, крошившей скальные огневые точки и стены, и С-8ДМ, содержавшая жидкое ВВ, от которого противника не спасали никакие укрытия — после ракетного удара туман каплей взрывчатки накрывал цель, забираясь в закоулки кишлаков и горные расщелины, поражая самые укромные места сплошным облаком взрыва. Тем же эффектом обладали «вороны» — объемно-детонирующие авиабомбы ОДАБ-500П, по мощности втрое превосходившие равные по калибру фугаски. Глухой хлопок взрыва такого боеприпаса сметал постройки в радиусе 20-25 м, глуша и сдувая раскаленной ударной волной все живое на сотни метров вокруг. Цели для ОДАБ приходилось подбирать только в долинах — в разреженном воздухе высокогорий взрыв терял силу, кроме того, эти боеприпасы требовали четкого выдерживания режима полета при сбросе и атмосферных условий по ограничениям срабатывания устройства бомбы и самой «начинки». В жару или сильный ветер, когда облако ВВ быстро теряло нужную для взрыва концентрацию, использовали «коктейль» — комбинацию ОДАБ и дымовых бомб, густой дым которых не давал аэрозолю рассасываться. Наиболее эффективным оказалось соотношение пары ДАБ-500 на шесть ОДАБ-500П. Объемно-детонирующие боеприпасы широко использовали, готовя площадки для верто-

летных десантов — подходящие для высадки места могли быть заминированы, и штурмовики таким образом расчищали их, вызывая детонацию мин на большой площади.

Излюбленным оружием летчиков были тяжелые НАР С-24 с высокими точностными характеристиками (с 2000 м ракеты укладывались в круг диаметром 7-8 м) и мощным осколочно-фугасным действием, которые хорошо подходили для борьбы с самыми разными целями. Су-25 мог нести до восьми ракет, запуск которых осуществлялся даже со сложных видов маневра, пологого и едва ли не отвесного пикирования. Пару С-24 предписывалось оставлять даже при возвращении, «на всякий случай». По пулеметным гнездам и машинам душманских караванов штурмовики вели огонь из бортовой пушки ГШ-2-30, обладавшей высокой скорострельностью и мощным снарядом. Инструкция рекомендовала вести стрельбу короткими односекундными очередями по 50 бронебойно-разрывных и осколочно-фугасных снарядов (масса такого залпа составляла 195 кг), но летчики старались расстрелять цель «с гарантией», полоснув по ней длинной очередью, и зачастую после 2-3 нажатий на боевую кнопку оставались без патронов. Позднее на штурмовиках появился вариант пушки с жидкостным охлаждением стволов, позволившим повысить продолжительность очереди без риска перегрева и быстрого износа. Садиться с неизрасходованным полным боекомплектом пушки не разрешалось — могла сложиться и без того нагруженная передняя стойка.

На равнинной местности хорошо показал себя автоматический прицел АСП-17БЦ-8, с помощью которого велась стрельба из пушки, пуск ракет и бомбометание. Пилоту требовалось лишь удерживать объект атаки в марке прицела, автоматика которого при помощи лазерного дальномера учитывала расстояние до цели, а также делала поправки на высоту, скорость, температуру воздуха и баллистику боеприпасов, в нужный момент давая команду на сброс бомб. Применение АСП давало очень качественные результаты, и летчики даже спорили между собой за право вылететь на штурмовике с хорошо отрегулированным и отлаженным прицелом. В горах его надежность снижалась — с резкими перепадами высот и сложным рельефом вычислитель прицела не мог справиться и давал слишком много промахов. В этих случаях приходилось вести огонь, пользуясь АСП как обычным коллиматорным прицелом, а бомбы сбрасывать «по велению сердца».

Уважение летчиков заслужили продуманная защита систем основных агрегатов и кабины Су-25. Ее титановый бронекороб толщиной до 24 мм и лобовое бронестекло не могли пробить пули стрелкового оружия и ДШК, и на бортах Су-25 встречались следы размазанных пуль. Штурмовики хорошо держали удар — самолет А. Лавренко, получив над Панджшером зенитный снаряд в хвостовую часть, прилетел с почти полностью перебитой тягой управления, от которой оставалось менее 1,5 мм металла. Сумел дотянуть до аэродрома и майор Г. Гарус, на машине которого пули ДШК навилет пробрили двигатель и полностью вывели из строя гидросистему.

Вместе с 200-й ОШАЭ в Шиндане постоянно находилась бригада заводских специалистов и работников ОКБ, сопровождавших эксплуатацию (по сути, войсковые испытания Су-25) в проводивших на месте необходимые изменения и доработки, в первую очередь по расширению летных ограничений. За 15 месяцев работы штурмовики 200-й ОШАЭ, совершив более 2000 вылетов, не имели боевых потерь, но в декабре 1981 года из-за превышения допустимой скорости пикирования разбился капитан А. Дьяков (ситуацию усугубил сброс бомбы только с одного крайнего пилона, после чего самолет потянуло в крен, летчику не удалось выровнять машину, и она, скользя на крыло, врезалась в склон горы). При таких же обстоятельствах едва не погиб Г. Гарус, но в этот раз летчику хватило высоты для вывода. Еще один Су-25 был потерян из-за того, что на взлете открывшимся лючком заклинило переставной стабилизатор, самолет полез вверх, выходя на критические углы атаки, и летчику пришлось катапультироваться. Доработка последовала незамедлительно — злополучные люки сняли на всех машинах, а позже переделали их, заставив открываться в другую сторону. Пилоты отмечали и недостаточную эффективность воздушных тормозов, площади которых не хватало при пикировании — Су-25 продолжал разгоняться, теряя устойчивость и стремясь перевернуться на спину. Эти недостатки устранили в последующих сериях самолета: ввели бустеры в управление элеронами, дублированный механический разворот переднего колеса шасси для возможности ножного управления при рулении,

доработали топливную систему и повысили ресурс двигателей. Из-за сильной отдачи пушки при стрельбе потребовалось усилить узлы крепления орудия и «трещавшие» элементы конструкции. Внесли и множество мелких эксплуатационных улучшений, упрощавших и ускорявших подготовку самолета, а на борту нанесли яркие трафареты, напоминавшие о ее порядке.

К недостаткам самолета отнесли невысокую надежность части радиоэлектроники — в первую очередь автоматического радиоконуса АРК-15 и навигационной радиосистемы РСБН-6С. При выполнении заданий приходилось выбирать в эскадрилье самолет с более или менее отлаженной аппаратурой, служивший лидером для всей группы. Настоящим врагом бортовой электроники была пушка — мощные сотрясения при стрельбе то и дело приводили к отказам РЭО. Иногда текли баки, а при посадках перегревались колеса, не имевшие вентиляции тормозных барабанов. По итогам операции «Экзамен» отметили и большие трудозатраты на снаряжение вооружения Су-25. Перезарядка 250 патронов к пушке занимала 40 минут у двух оружейников, а сама установка массивного патронного ящика была неудобной. Обеспеченность наземными средствами всегда считалась второстепенным вопросом (хотя это и трудно отнести к недостаткам самого самолета), тележки и подъемники для оружия работали из рук вон плохо, были ненадежны, и готовившим штурмовик техникам приходилось вручную перетаскивать бомбы и ракеты, с помощью солдатской смекалки ухитряясь подвешивать даже полутонные бомбы, благо пилоны находились не очень высоко (еще при проектировании Су-25 конструкторы учли эту «неразрешимую проблему» и определили положение пилонов с учетом того, что человек может поднять большой груз только на уровень груди). Особо много крепких слов вызывало у оружейников устройство люков носового отсека оборудования, где находились блоки прицела — бронированные панели в открытом положении держались над головой на хилых стоечках и, стоило их задеть, пудовые крышки падали вниз.

Инспектируя работу 200-й ОШАЭ, в Шинданд несколько раз прилетал маршал авиации П.С. Кутахов, лично курировавший Су-25. К ноябрю 1982 года операция «Экзамен» завершилась. К этому времени боевые действия велись уже по всему Афганистану. Выполнить указание министра обороны Соколова — «окончательно уничтожить контрреволюцию к 7 ноября» — увы, не удавалось. Более того, в докладной записке штаба ТуркВО отмечалось: «военно-политическая обстановка почти повсеместно обострилась и стала чрезвычайно острой даже в ряде тех районов, где ранее не было крупных бандформирований и в силу географических особенностей нет благоприятных условий для их деятельности (север, равнинные и приграничные с СССР районы)». Несколько десятков боевых самолетов, переброшенных в ДРА, стало явно не хватать. Авиационную группировку требовалось усилить, и Су-25, скроенному по мерке афганской войны, предстояло стать массовой машиной.

На смену 200-й ОШАЭ из Ситал-Чая прибыла эскадрилья майора В. Ханарина, через год ее сменила следующая. Так, силами одной эскадрильи посменно 80-й ОШАП продолжал работать в ДРА до октября 1984 года, когда ОШАЭ была реформирована в 378-й ОШАП, первый год имевший две эскадрильи, а затем — три. Первым его командиром стал подполковник А. Бакушев из Ситал-Чая, а сам полк долгое время продолжали комплектовать сменами из 80-го и 90-го ОШАП из бессарабского Арциза. С осени

1985 года две эскадрильи полка разместили в Баграме и одну в Кандагаре. Помимо них, в состав 378-го ОШАП стали направлять и штурмовиков из других полков. Они вели кочевой образ жизни, работая с разных аэродромов в качестве «пожарных команд» и нигде не задерживаясь дольше нескольких месяцев. При необходимости Су-25 перебазировались ближе к местам операций, действуя из аэропорта Кабула и полевых аэродромов Мазари-Шарифа и Кундуза на севере страны. Места на стоянках уже не хватало, и их срочно дополняли сборными настилами из гофрированных полос, сотнями тонн завозившихся на авиабазы. Во время проведения крупных операций, требовавших концентрации авиационных сил, тесно становилось и на них, и самолеты выкатывали на грунт вдоль рулежных дорожек, оставляя на бетоне лишь переднее колесо, чтобы воздухозаборники не засасывали песок и щебень.

Су-25 сменили вертолеты при поддержке войск в районах с превышением 2500-3000 м. Для большей оперативности штурмовики стали использовать из положения «дежурство в воздухе», и, встретив сопротивление, пехота могла тут же нацелить самолеты на огневые точки. Зона ожидания для Су-25 по условиям безопасности от огня ПВО и пристрастия за местностью назначалась на высоте 3000-3500 м, а вылет в нее производили по графику или по команде с КП, державшего связь с наземными частями. При атаках смешанными авиагруппами Су-25 отводилась роль основной ударной силы. Пользуясь хорошей защищенностью, они работали по цели с высот порядка 600-1000 м, в то время как более уязвимые Су-17 и истребители — около 2000-2500 м. Авианаводчики особо отмечали аккуратность атак штурмовиков, мощь их ударов и способность к точечной работе. По их оценке, каждый Су-25 добивался большего успеха, чем звено, а то и восьмерка Су-17. Ставший начальником боевой подготовки ФА А.В. Бакушев позднее отмечал: «Все пришедшее с колонной боеприпасов отправлялось в первую очередь для Су-25. Они их расходовали с большей эффективностью и по назначению». Прозвище «Грач», первоначально служившее их радиопозывным в операции «Ромб», Су-25 полностью оправдывали своим умением отыскивать и «выклевывать» добычу, самим видом напоминая эту трудолюбивую птицу. Особенно эффективной оказывалась совместная работа штурмовиков и вертолетчиков, успевших с малых высот изучить местность и лучше ориентировавшихся в районе удара. Пара Ми-8, кружа над целью, вела разведку и указывала Су-25 местонахождение противника сигнальными ракетами и трассирующими пулеметными очередями. Первыми к цели выходили 2-4 самолета, подавлявшие зенитные точки. После них пара-звено Ми-24 подчищали местность от уцелевших очагов ПВО, открывая дорогу ударной группе из одного-двух звеньев Су-25 и боевых вертолетов. Если того требовали обстоятельства, для большей убедительности удар наносили полными составами эскадрилий (по 12-18 Су-25 и Ми-24). Штурмовики выполняли несколько заходов с высоты 900-1000 м, после чего их тут же сменяли вертолеты, добывая цели и не оставляя противнику шансов уцелеть (как это нередко случалось при налетах скоростных истребителей-бомбардировщиков, в мгновение пронесившихся над целью). Задачей вертолетов было и прикрытие выходивших из атаки самолетов, после чего те, в свою очередь, снова обрушивались на ожившие огневые точки.

Силами такой группы 2 февраля 1983 года провели операцию в провинции Мазари-Шариф, где были захвачены и убиты советские специалисты, работавшие на местном заводе азотных удобрений. Кишлак Вахшак, в котором хозяйничала банда, атаковала четверка Су-25, ее поддерживали звено Ми-24 и шесть Ми-8, блокировавших селение и не давших противнику уйти из-под удара. На кишлак обрушились две ОДАБ-500П, десять тонн обычных фугасных авиабомб и сорок ракет С-8, после чего он практически перестал существовать.

Подобные операции выполнялись и после взятия душманами пленных. Отбить их можно было только силой, и у ближайшего селения проводили демонстрационный БШУ. Приглашение к диалогу выглядело достаточно убедительным, и, если пленные были еще живы, после первых же ударов местные старейшины шли на переговоры, соглашаясь вернуть их, лишь бы самолеты были отозваны. Такой «дипломатией штурмовиков», обменом на захваченных моджахедов, а то и выкупом за годы войны удалось вернуть из плена 97 человек.

Большая боевая нагрузка и возможность проникать в труднодоступные места сделали Су-25 основной машиной при минировании с воздуха, широко применявшемся для запираания противника в базах и оперативного блокирования. Обычно Су-25 нес

2-4 контейнера КМГ-У, вмещавших мелкие осколочные бомбы или противопехотные фугасные ПФМ в контейнерных блоках БК. Эти крохотные «противопальцевые» мины размером с ладонь были почти незаметны под ногами. Их заряда хватало лишь для того, чтобы нанести небольшие раны и обездвигать наступившего, а потеря крови и почти полное отсутствие медиков у оппозиции делали его положение безнадежным. Минирование Су-25 вели на скорости 700-750 км/ч с высоты 900-1000 м, а для более плотного «посева» на тропах и дорогах снижались до 300-500 м. В 1984 году на долю Су-25 пришлось 80% всех вылетов на минные постановки, 14% сделали вертолетчики и еще 6% — летчики ИБА.

Препятствуя передвижению вооруженных отрядов, Су-25 сносили каменные карнизы и тропы, бомбили ущелья, делая их непролазными. Способность к точной работе Су-25 использовали в ноябре 1986 года под Асадабадом, где были обнаружены перекинутые через ущелье подвесные мосты, выводившие к укрытым в горах складам. Разбомбить их сверху не удавалось — тонкие ниточки мостов скрывались в глубине ущелья — и четверка Су-25 майора К. Чувильского, снизившись между нависшими каменными стенами, ударила по мостам бомбами в упор.

Су-25 ходили и на «охоту». Ее районы указывались летчикам по данным разведуправления штаба 40-й армии, куда ежедневно стекалась информация из частей, сторожевых постов, бригад спецназа, поступали данные аэрофотосъемки и даже космической разведки. Развернули также комплексы радиоперехвата и пеленгации «Таран», оборудование которых размещалось на базе пяти тягачей МТ-ЛБ. Эта аппаратура позволяла засекал местонахождение душманских раций, а опытные «слухачи» и переводчики буквально из первых рук получали информацию о намерениях противника.

Вылетавшие на «охоту» штурмовики, помимо обязательных ПТБ, обычно брали универсальный вариант — пару блоков НАР УБ-32-57 (или Б-8М) и две 250-500-кг бомбы. Наилучшие условия для «охоты» были на равнине, позволявшей атаковать с любого направления сразу после обнаружения цели. Для внезапности практиковали удары с предельно малых высот (50-150 м), используя при этом специальные штурмовые авиабомбы с тормозными парашютами, дававшими возможность самолету уйти от их осколков. Такая атака заставляла противника врасплох и не давала ему времени на открытие ответного огня, но была трудной и для самого летчика, быстро устававшего от полета над несущейся навстречу местностью, каждую минуту ожидая появления цели. Низковысотные полеты окончательно изжили себя с усилением зенитного огня, уступив место поиску целей с безопасных высот. На «охоту» отправлялись самые опытные пилоты, умевшие самостоятельно ориентироваться в незнакомом районе, находить и опознавать объект атаки.

С осени 1985 года «охоту» вели и по ночам, хотя Су-25 не имел специальной прицельной аппаратуры. Все доработки сводились к установке противобликового щитка возле посадочных фар, чтобы они не слепили летчика. В лунные ночи зимой обходились без помощи САБ — на заснеженных перевалах и полях отлично видно было любое движение и даже протоптанные следы, выводившие к укрытиям и местам ночевки. Крадущиеся в темноте караваны (верблюдов и лошадей сменили джипы, в основном японские «Ниссаны» и «Тойоты») выдавали себя светом фар, по которым и наносили удар. Обнаружив цель в горном распадке, куда и днем нелегко было точно уложить бомбы, «охотники» практиковали удар мощными фугасками выше по склону, что вызывало обвал, хоронивший противника под тоннами камней. Ночная тьма надежно скрывала штурмовики от зенитного огня, но требовала повышенной внимательности, чтобы не врезаться в горы (так 2 октября 1986 года под Кабулом погиб на Су-25 старший лейтенант А. Баранов). Временами из-за повышенного риска ночную работу вовсе запрещали, массовой она так и не стала, оставаясь делом лишь наиболее выученных летчиков, и эта задача так и не была решена до конца войны.

Обеспечивая проводку транспортных колонн, Су-25 выдвигались на позиции и обстреливать машины. Из доклада штурмовика А. Почкина: «Действуя в составе пары вдоль дороги севернее города Гардез, обнаружил на вершине горы реактивную пусковую установку с расчетом, которая вела обстрел колонны топливозаправщиков, и уничтожил ее одним бомбовым ударом». В августе 1985 года в операции по снабжению провинциального центра Чагчаран 250 советских и несколько сотен афганских гру-

зовиков в сопровождении четырех мотострелковых батальонов танков и артиллерийской батареи прикрывали 32 самолета и вертолета. Расчищая дорогу колонне, за шесть дней они уничтожили 21 огневую точку и более 130 мятежников. Особое значение в организации налетов приобрели четкое руководство и боевое управление, требовавшие надежной радиосвязи. Без нее летчики не могли согласовать действия с соседями и авианаводчиками. Снизившись, самолеты исчезали за горами, пропадая с экранов кругового обзора и из эфира, заставляя руководителей полетов чертыхаться: «Сильна Красная Армия, но связь ее погубит». Для обеспечения непрерывной радиосвязи в воздух стали поднимать самолеты-ретрансляторы Ан-26РТ, часами висевшие в небе над районом удара. В ходе крупных операции, когда требовалась особая слаженность и подготовленность действий больших групп авиации в обширном районе (как это было летом 1986 года при разгроме базы арсенала под Гератом), над Афганистаном появлялись летающие командные пункты Ил-22, оснащенные мощным бортовым комплексом управления и связи, способным обеспечить работу целой воздушной армии. Сами Су-25 оборудовали специальной УКВ-радиостанцией Р-828 «Эвкалипт» для связи с наземными войсками в пределах прямой видимости.

В связи с участвовавшими обстрелами и диверсиями с весны 1985 года Су-25 стали привлекаться для патрулирования над Кабульским аэропортом и штабом 40-й армии, располагавшимся в бывшем дворце Амина. По ночам дежурство несли вертолеты, а когда сторожевые посты сообщали о подозрительной активности в близлежащих горах, из Баграма поднимались Су-25. На дежурстве в Баграме постоянно держали и пару штурмовиков, задачей которых был немедленный удар по району, где появлялся Ахмад Шах Масуд — враг номер один в этих местах и безраздельный хозяин Чарикара и Панджшера. Умелый и энергичный противник, назначенный верховной оппозиции «главнокомандующим фронтами центральных провинций», Масуд вызывал особую неприязнь Кабула своими дерзкими операциями под самой столицей и, особенно, непререкаемым авторитетом у населения. Среди летчиков говорили, что за уничтожение Ахмад Шаха заранее обещано звание Героя Советского Союза; Туран Исмаила, командира рангом пониже, соответственно оценивали орденом Красного Знамени.

За Масудом охотились штурмовики и спецназ, на него устраивались засады, проводились войсковые операции, не менее 10 раз сообщалось о его гибели (сам Б.В. Громов считал, что «с 85-го года Ахмад Шаха уже нет в живых — это только знамя у оппозиции»), однако неуловимый «амирсаиб» снова и снова уходил от преследований, через своих людей в Кабуле заранее узнавая о готовящихся ударах — среди осведомителей Масуда были приторговывавшие секретами высшие офицеры афганской армии и сам начальник разведуправления генштаба генерал-майор Халиль (предательство Халиля и офицеров его окружения было раскрыто весной 1985 года).

Ведение разведки занимало среди задач штурмовиков сравнительно скромное место (мешали недостаточная дальность полета и отсутствие специального оборудования) и ограничивалось визуальной разведкой в интересах собственной части. Готовясь к налету, командир или штурман эскадрильи облетал район будущего удара, знакомясь с местностью и ориентирами, а непосредственно перед атакой летчики эскадрильи проводили доразведку. По предложению А.В. Руцкого, принявшего осенью 1985 года 378-й ОШАП, для регистрации результатов ударов один Су-25 был оборудован фотоконтейнером, но эта доработка так и осталась единичной.

Универсальность, а во многих случаях и незаменимость Су-25 делала их использование чрезвычайно интенсивным. В 1985 году летчики-штурмовики набирали вдвое больше вылетов, чем их коллеги на Су-17, и имели средний налет 270-300 часов («Союзный» норматив составлял 100 часов), а многие оставляли далеко позади и эти показатели. А.В. Руцкой совершил 453 боевых вылета (из них 169 — ночью), старший лейтенант В.Ф. Гончаренко из 378-го полка имел их 415, а полковник Г.П. Хаустов (на всех типах самолетов) — более 700 за два года работы в ДРА (маршал авиации А.Н. Ефимов — прославленный летчик-штурмовик, дважды Герой Советского Союза, за всю Отечественную войну выполнил 222 боевых вылета). На самолет за год приходилось около 300 вылетов, но встречались и заслуженные Су-25, успевшие слетать на задание до 950 раз. Средний налет на штурмовик в 1985 году составлял 224 часа (против 84 для МиГ-23 — такая разница объясняется не простым истребителей, а неравномерной боевой нагрузкой в ча-

стях ИА, где значительная доля машин не привлекалась к ударам, находясь в готовности на боевом дежурстве).

Особенностью работы 378-го ОШАП было использование машин до полной выработки ресурса (если только самолет до него дотягивал), в то время как истребители и истребители-бомбардировщики по замене уходили домой вместе со своими самолетами. Нагрузка на штурмовики и их износ превышали все нормы, из-за чего большинство работ, включая и восстановление подбитых самолетов, выполнялись на месте развернутых в Афганистане рембазах, и лишь наиболее трудоемкие и требовавшие специальной оснастки выполняли на заводе в Чирчике или Вазияни, куда отгоняли израненные самолеты (в одном из таких случаев разбитый Су-25 в октябре 1984 года вывезли в Ан-12, отстыковав все лишнее, но хвост штурмовика все равно при перелете остался торчать снаружи). Обычно же выработавшие ресурс машины уходили в Союз, а им на смену с завода или с очередной группой прибывали новенькие штурмовики. Среди пилотов Су-25 профессиональными заболеваниями были постоянные боли в желудке, ломота в суставах и кровотечения из носа, вызванные полетами на высоте в негерметичной кабине. Эти проблемы усугубляло скудное и однообразное питание, добавлявшее обещанных присягой «тягот и лишений». Нормальное «пищевое довольствие» оказалось неразрешимой проблемой для снабженцев, и авиаторов изо дня в день ожидали опостылевшие каши, консервы и концентраты, остававшиеся основой рациона среди окружавшего изобилия зелени и фруктов. Наладить снабжение за счет местных ресурсов даже не пытались, опасаясь отравлений, и службы тыла сбывали в Афганистан залежавшиеся на складах запасы, с которыми в летные столовые попадали консервированный хлеб, тушенка и сухари выделки 1943 года (говорят, ими на спор забивали в стену любой гвоздь).

С усилением ПВО моджахедов Су-25 все чаще стали приносить из боя серьезные повреждения. Хотя надежная защита во многих случаях выручала летчика, зенитный огонь повреждал двигатели, баки, управление, выводил из строя оборудование самолета. Су-25, пилотируемый В.В. Бондаренко, в октябре 1984 года возвратился на аэродром, волоча за собой шлейф керосина из изодранных очередью крыльев и остановился на полосе без единой капли топлива. Штурмовик майора А. Порублева под огнем лишился подвесного бака с крыльцевого держателя, тут же нанизанного пикирующим самолетом на пилон. Самолет с вертикально торчащим баком управлялся с трудом, но, сколько ни старался летчик, стряхнуть бак не удалось, и с этой необычной подвеской Су-25 пришел на базу. В другой раз по самолету старшего лейтенанта Коваленко одновременно били 30 зениток, по словам очевидцев, «напоминая салют на Красной площади». За первый год работы 378-го ОШАП летчикам 12 раз приходилось возвращаться на аэродром с одним «выбитым» двигателем. И все же штурмовики несли потери: имел место случай, когда Су-25 в июле 1987 года разбился из-за попадания всего одной пули, перебившей кислородный шланг; летчик потерял сознание, и неуправляемая машина упала на землю. 10 декабря 1984 года над Панджшером был сбит Су-25 старшего лейтенанта В.И. Заздравнова, атаковавший цель пушечным огнем. На выходе из пикирования ответная очередь повредила управление, и самолет врезался в скалы.

Возвращать поврежденные самолеты в строй помогала хорошая ремонтпригодность и взаимозаменяемость узлов,

предусмотрительно заложенные в конструкцию Су-25. На месте заменялись продырявленные баки, закрылки, рули, сломанные стойки шасси, встречались штурмовики с полностью новыми мотогондолами, носовыми и хвостовыми частями фюзеляжа. Необходимость «штопки» многочисленных пулевых и осколочных пробоин заставила вспомнить порядком забытое в строевых частях слесарное и клепальное дело, а промышленность наладила поставки комплектов наиболее повреждаемых панелей и капотов, стопками завозившихся на аэродромы. Из-за обилия дыр (своего рода рекордом было 165 пробоин на одном Су-25) многие из них латались топорно, «на коленке». Порой не хватало даже дюрала для ремонта, и в одной из эскадрилий штурмовики несли заплаты из расплюснутых гильз. Другой проблемой стала нехватка запасных частей, и время от времени один из не подлежавших ремонту самолетов превращался в их источник и шел «на прокорм» своим продолжавшим работать собратьям.

Во время 4-й панджшерской операции, начатой в мае 1985 года (ее целью был «полный и окончательный разгром бандформирований в центральных провинциях»), долину прикрывали 200 ДШК и ЗГУ, в дополнение к которым отряды Ахмад Шаха получили еще три десятка 20-мм зениток «Эрликон» швейцарского производства с досягаемостью по высоте до 2000 м. Они легко разбирались для перевозки и позволяли оборудовать позиции в самых неожиданных местах. Зарубежные инструкторы помогли хорошо освоить оружие, сами моджахеды научились строить систему ПВО вокруг лагерей, используя особенности рельефа для укрытия огневых точек. Насыщенность районов боевых действий зенитными средствами стала представлять серьезную угрозу, и пренебрежение ею могло не остаться безнаказанным. 22 июля 1985 года Су-25 С.В. Шумихина находился над целью почти полчаса и был сбит на 11-м боевом заходе, попав под огонь замаскированной зенитки. Работая парой, штурмовики стали распределять обязанности следующим образом: ведущий атаковал цель, а ведомый следил за местностью, с ходу наносил удар по обнаруженным вспышкам «сварки». Для защиты от огня сверху, под который самолеты попадали в ущельях и на виражах, летчики стали получать титановые бронешлемы, однако тяжелые «котелки» не прижились у пилотов, предпочитавших хороший обзор и свободу действий. На помощь штурмовикам пришли новые типы боеприпасов, сочетавшие высокую поражающую способность с большой прицельной дальностью, позволявшей работать по цели, не входя в зону ПВО. На Су-25 стали применять крупнокалиберные 122-мм ракетные блоки Б-13Л с дальностью пуска до 4000 м. Они снаряжались осколочно-фугасными НАР С-13-ОФ, по мощности и убойной силе на порядок превосходившими С-8, и С-13 с проникающей БЧ, прошедшей трехметровый слой земли и камней над укрытиями. Тяжелым НАР С-25-ОФ и ОФМ с двухсоткилограммовой БЧ «по зубам» были и прочные, хорошо защищенные сооружения — крепости, огневые точки в скалах и укрепления.

Надежные и неприхотливые С-25 при снаряжении самолета были не сложнее обычных авиабомб. Фанерные пусковые трубы с ракетами штабелями лежали на аэродромах, и для их подготовки достаточно было сорвать оберточную бумагу и вернуть взрыватель. Применялись и подвесные установки СППУ-22-01 с подвижными пушками ГШ-23. Во время высадки десанта на базу Джавара в апреле 1986 года четверка Су-25, поливая огнем СППУ по склонам ущелья, расчищала дорогу подходившим вертолетам. «Гребешок» был плотным, и ни один Ми-8 с десантом не был потерян.

Иногда СППУ подвешивали стволами назад, ведя огонь в хвост при выходе из атаки. Стрельба велась без прицеливания, но завеса снарядов защищала от возможного обстрела вдогон.

В апреле того же года Су-25 Руцкого и комэска Высоцкого, атакуя вырубленные в скалах под Хостом склады, впервые применили управляемые ракеты, которые могли запускаться с безопасных удалений и высот. При использовании радиокомандных Х-23 летчику было сложно отыскивать цель и управлять ракетой, следя за ее полетом. Поэтому наиболее практичными оказались Х-25 и Х-29Л с лазерным самонаведением, подсветку цели для которых с помощью бортового дальномера-целеуказателя «Клен-ПС» мог вести и другой штурмовик, но такая методика использовалась нечасто по той же причине — летчикам не всегда удавалось с высоты различать и фиксировать лучом малозаметные объекты. Так, при первом применении из четырех пущенных Х-29Л в цели, затянутые дымом, попали только две. Лучшие результаты давала помощь наземного наводчика, хорошо знающего местность. Первое время наземные лазерные целеуказатели про-

бывали монтировать на БТР и БМП импровизированно, затем их сменили штатные боевые машины авиационного наведения (БОМАН) на базе БТР-70, на которых система была укрыта под броней и выдвигалась наружу при работе.

Противник быстро оценил значение необычно выглядевших машин и старался расстрелять их в первую очередь. После нескольких особенно удачных пусков, когда ракеты накрыли штабы и исламские комитеты, охота на БОМАН началась на дорогах и стоянках, заставляя прятать машины за колючей проволокой и минными заграждениями хорошо охраняемых аэродромов. Ракеты стали надежным оружием поражения пещерных укрытий, практически неуязвимых для других боеприпасов. Моджахеды использовали их под склады и тайники, оборудовали мастерские по ремонту оружия (в пещерном городе на базе Джавара находился целый патронный завод). Изрытые норами горы превращались в естественные крепости — затащив наверх безоткатные орудия ДШК и минометы, душманы устраивали огневые позиции, закрытые от обстрела снизу, и выбить их оттуда артиллерия и танки не могли. Огонь с высившихся скал был губительно точен, а подобраться к ним не давали крутые откосы и завалы. При использовании авиации противник прятался в глубине под толстыми сводами, а бомбы и НАР впустую крошили камни вокруг. Переждав налет, стрелки выбирались наружу и продолжали вести огонь. Точность попадания «лазерок» была поразительной — ракеты удавалось укладывать точно во входы пещер и амбразур, а их солидной БЧ с избытком хватало для уничтожения цели.

Особой эффективностью отличалась тяжелая Х-29Л с БЧ массой 317 кг, заключенной в прочный корпус. Пробивая камень, она уходила вглубь и взламывала изнутри самые неприступные объекты. Если же в пещере скрывался склад боеприпасов, успех был поистине оглушительным. Использовались и более простые управляемые снаряды С-25Л — вариант обычных НАР, на которые устанавливали головной блок с системой управления и лазерной ГСН того же типа что и на Х-25 и Х-29Л.

Ракетную атаку Су-25 ярко описал командир десантной роты, прижатой к земле огнем из нависшего над Багланским ущельем дота: «Головы было не поднять, как вдруг над нами проскочила пара самолетов, и тут же что-то светлое влетело в амбразуру между камней и разнесло дот в щебенку». Чаще достаточно дорогие ракеты применяли по штучным целям, используя данные разведки и тщательно готовя каждый удар. Пуски выполняли с дальности 4-5 км с пологого пикирования под углом 25-30°, отклонение ракет от точки прицеливания при этом не превышало 1,5-2 м. По данным ОКБ Сухого всего в ДРА было произведено 139 пусков управляемых ракет.

С появлением у моджахедов ПЗРК статистика потерь штурмовиков стала меняться к худшему. Первой их жертвой стал, видимо, комэск подполковник П.В. Рубан, сбитый 16 января 1984 года над местечком Ургун. На его Су-25 осколками были повреждены двигатели и управление, штурмовик стал падать, и, когда летчик попытался покинуть машину, высоты уже не хватило. Однажды Су-25 даже привез из полета неразорвавшуюся ракету, угодившую точно в двигатель и торчавшую наружу. В это время использовались поступавшие из арабских стран ракетные комплексы «Стрела-2М» и шедшие через Пакистан «Ред Ай» американского производства. Появлялись и английские «Блоупайп» с радиокомандным наведением и большей высотностью (до 3000 м), не нашедшие, однако, широкого применения из-за сложности управления и большого веса (21 кг в снаряженном состоянии против 15 кг у «Стрелы» и 13 кг у «Ред Ай»). Вероятнее всего, ПЗРК 6 апреля 1986 года под Хостом сбили А.В. Рущого: самолет уже был прошит очередью ЗГУ, когда ракета попала в воздухозаборник левого двигателя и «выключила» его, вызвала помпаж соседнего и повредила осколками систему управления. Едва державшийся в воздухе штурмовик добила следующая зенитка, и летчик успел покинуть валившуюся на бок машину уже над самой землей.

Для защиты от тепловых ГСН Су-25 был оборудован четырьмя кассетами АСО-2В с инфракрасными пиропатронами ППИ-26 (ЛО-56), но летчики пользовались ими редко. Щиток управления АСО находился сбоку от пилота, и для работы с ним нужно было отвлекаться в самый горячий момент атаки. К тому же, запаса ловушек хватало едва на одну минуту работы АСО, и штурмовики берегли их на крайний случай, но когда они замечали пуск, сыпать пиропатроны становилось уже поздно — ГСН захватывала цель, и ракета шла к самолету. Ввиду срочности проблему решили просто — установили на мотогондолах дополнительные балки АСО-2В,

вдвое увеличив число ловушек. Теперь отстрел начинался автоматически с нажатием на боевую кнопку в начале атаки и продолжался в течение 30 секунд до окончания боевого захода. Су-25 стал нести 256 пиропатронов, каждый из которых стоил тогда около 7 рублей, и устроивший хороший «фейерверк» летчик выпускал таким образом в воздух 5-6 своих зарплат. Но расходы стоили того — в действительности ловушек пилоты убеждались, слыша позади разрывы уходящих в стороны обманутых ракет. Ситуацию изменило появление в конце 1986 года «Стингеров» с высокочувствительной селективной ГСН, отличавшей двигатель с характерным диапазоном температур от горящей ловушки. «Стингер» имел большую досягаемость по высоте, мог применяться на встречных курсах, а его БЧ была втрое мощнее, чем у «Ред Ай». В сочетании с неконтактным взрывателем, срабатывавшим даже при пролете рядом с самолетом, это давало возможность причинять тяжелые повреждения и без прямого попадания. Надежность защиты с помощью ЛО снизилась, и отчеты стали отмечать «тенденцию к серьезному росту потерь от ПЗРК». За первые две недели применения «Стингеров» в начале 1987 года ими были сбиты три Су-25, погибли два летчика. К концу 1987 года потери составили почти целую эскадрилью — 8 самолетов (столько же было потеряно и в предыдущем году — как от огня противника, так и по небоевым причинам, преимущественно при грубых посадках).

Намерение установить на Су-25 станцию активных помех «Сухогруз», глушившую ГСН ракет и неплохо показавшую себя на вертолетах, реализовать не удалось из-за ее слишком большого энергопотребления, и живучесть штурмовика стали повышать более традиционными способами — дополнительной защитой наиболее уязвимых агрегатов и систем. Ракурсы подхода ракет и разлета осколков, наиболее страдающие узлы, характер разрушений и их фатальность определили, изучая статистику повреждений, недостатка в которой не было — «грачи» нередко возвращались домой «на честном слове». Майор А. Рыбаков 28 мая 1987 года (накануне он уже получил снаряд зенитки в закрылок) дотянул до аэродрома на самолете с одним захлебнувшимся двигателем, залитым керосином из пробитых баков, иссеченным осколками фонарем, полностью отказавшей гидросистемой и невыпускающим шасси. В кабине не работал ни один прибор, и летчик с залитым кровью лицом вел самолет вслепую, по командам напарника. Сев на брюхо, пилот бросился в сторону от самолета и, лишь убедившись, что взрыв машине не грозит, вернулся выключить поднимавший тучи пыли двигатель. 28 июля 1987 года на базу пришел штурмовик с дырой в борту, у которого ракетой разнесло правый двигатель, хлеставшим из мотоотсека пламенем прожгло противопожарную перегородку, полностью выгорела электроарматура и энергоузлы, на 95% перегорели тяги управления рулем высоты. Пожар продолжался до самой посадки, причем от короткого замыкания сами вышли стойки шасси, но из-за отказа сигнализации летчик не знал об этом и пытался посадить самолет на брюхо рядом с полосой. Шасси попало в канаву и было вырвано с корнем.

У Су-25 лейтенанта П. Голубцова ракетой наполовину оторвало хвост, но двигатели продолжали работать. Тормоза отказали, и после посадки самолет выкатился за полосу на минное поле, где летчику пришлось дожидаться саперов, чтобы выбраться. У другого самолета взрывом вырвало почти четверть крыла. На самолете капитана М. Бурака ракета снесла под корень почти весь киль, и летчику с большим трудом удалось приземлиться, управляя по курсу с помощью элеронов. Летчики рассказывали и о сильных взрывах в фюзеляже через несколько минут после гашения пожара в мотоотсеках. Взрывались не баки — заполнявшая их губка гасила ударную волну и останавливала пламя, но керосин продолжал хлестать из перебитых трубопроводов, заливая раскаленный двигатель.

Главный конструктор самолета В.П. Бабак несколько раз сам вылетал в ДРА, а один из изувеченных Су-25 с развороченным двигателем и следами пожара доставили в ОКБ. В большинстве случаев ракеты взрывались снизу-сбоку двигателей, разрушившиеся турбина и компрессор шли вразнос и летевшие во все стороны лопатки рубили все на своем пути хуже осколков. Чтобы изолировать поврежденный двигатель, защитить фюзеляжные отсеки и топливную арматуру от пожара, с самолета с серийным 09077 по бокам мотоотсеков между шпангоутами 18-21 и 21-25 установили стальные 5-мм экранирующие плиты и защитные маты из стеклоткани. Титановые тяги управления двигателем заменили на жаропрочные стальные, изменили прокладки топливных трубопроводов, укрыв их за экранами, а для предупреждения взрывов при утечках ве-

ли автоматическую отсечку топлива при включении пожарной системы, защитив ею и хвостовую часть фюзеляжа с электрооборудованием и проводкой управления. Для обдува двигателя воздушного отсека и охлаждения сопел на мотогондолах установили воздухозаборники. В комплексе доработок смонтировали бронешторки фонаря, защищавшие голову летчика от опасного в ущельях огня с боков и сверху, и дополнительную бронеплиту, прикрывшую АСО — бывали случаи, когда автоматы отстрела выбивало осколками, и самолет оказывался беззащитным. Общая масса защиты Су-25 достигала 1100 кг, составив 11,5% массы конструкции.

Штурмовики с повышенной боевой живучестью («Су-25ПБЖ») стали поступать в Афганистан в августе 1987 года.

Для снижения риска поражения с конца 1986 года летчикам запретили опускаться ниже 4500 м, но этот приказ противоречил самому стилю работы штурмовиков и часто ими нарушался. А.В. Руцкой, согласно характеристике, — «сильный летчик и волевой командир», имел два взыскания за нарушение ограничения, а его Су-25 нес 39 пробоин. Для меньшей уязвимости на взлете и посадке штурмовики стали использовать маневр — нисходящую крутую спираль и снижение по короткой глассе, применяя для резкого снижения воздушные тормоза и почти парашютируя на полосу. Уход на второй круг считался уже серьезной ошибкой — в окрестной «зеленке» могли поджидать вражеские стрелки. 21 января 1987 года вылетевший из Баграма Су-25 старшего лейтенанта К. Павлюкова был сбит «Стингером» из засады. Летчик катапультировался, но в наступивших сумерках поисковые вертолеты не смогли его отыскать. Раненый пилот принял бой на земле, и израсходовав все патроны, подорвал себя гранатой.

Значительная часть поврежденных боевых машин приходилась на грубые посадки из-за сложности маневра и большой скорости захода, требовавших повышенного внимания от возвращавшихся из боя измотанных несколькими вылетами летчиков. Редкий месяц обходился без аварий: штурмовики садились с минимальным остатком топлива, без выпуска закрылков и воздушных тормозов, задевали друг друга, не успевая вовремя отвернуть с полосы, теряли колеса и сносили шасси. Известно и немало случаев складывания передней стойки шасси при слишком жестком касании ВПП.

Летом 1988 года летчик «захромавшего» Су-25 удержал самолет на пробеге настолько умело, что стесал о бетон лишь выступавший надульник пушки, не тронув обшивки, и уже на другой день снова летал. Сожженные на посадке тормоза и разлетевшиеся пневматики были будничным делом и в иной день случались по несколько раз. 27 октября 1988 года в Баграме севший до полосы Су-25 снес о ее бетонный порог все три стойки шасси, в облаке искр пронесся на брюхе и остановился, стесав фюзеляж по самую бронекabinу. Летчик, не получивший даже ушибов, выбрался из останков штурмовика и отправился «сдаваться» в штаб.

Количество потерянных в Афганистане Су-25 обычно оценивается в 23 машины (из общего числа 118 самолетов), которых лишили ВВС. Однако это число требует уточнения. Установить действительные причины гибели того или иного самолета не всегда представлялось возможным — обломки машин в большинстве случаев оставались лежать далеко в горах, и часто приходилось полагаться лишь на эмоциональные доклады летчика и его коллег. Если авария происходила по вине летчика, это грозило ему, как минимум, отстранением от летной работы, а разбрасываться кадрами в боевой обстановке не приходилось, и повреждения старались провести по графе «боевые». То же касалось аварий, происшедших из-за конструктивно-производственных недостатков. Доказать вину промышленности было нелегко — требовалось составление акта расследования происшествия, а осмотреть разбившуюся машину и толком изучить отказавшие агрегаты оказывалось зачастую невозможно. Случай с капитаном А. Дьяковым был, скорее, исключением — его машину удалось вывезти с места падения, хотя поначалу причиной потери сочли гибель летчика в воздухе, и в остатках кабины нашли дыру от осколка (пробитую, как оказалось, разрывом одной из гранат, с помощью которых спешно вели демонтаж для эвакуации обломков на базу). Лишь изучение пленок бортового самописца, зафиксировавшего вставшие на упоры элероны при нараставшем крене и скольжении, позволило установить истинную причину.

Когда бесперспективность затянувшейся войны стала очевидной, новый командующий 40-й армией Б.В. Громов в предвидении скорого вывода войск поставил задачу для сокращения потерь свести к минимуму боевую активность наземных войск, по

возможности воздерживаясь от наступательных операций и занимаясь охраной узловых участков, дорог и аэродромов. Для авиации это означало прибавление работы — без ее помощи многие гарнизоны, со всех сторон окруженные противником, уже не могли бы продержаться. Так, в провинции Баглан подвергавшийся постоянным атакам советский десантный батальон удерживал участок всего в три квадратных километра на пересечении дорог (при этом считалось, что провинция «частично контролируется оппозицией»). Чтобы уменьшить потери, «грачи» стали шире использоваться для ночных ударов. При этом почти полностью исключалось воздействие ПВО и появлялась реальная возможность уничтожить по наводке большие группы противника, располагавшегося на ночлег в крепостях и кишлаках (нужно ли говорить, какая участь ожидала само селение — Руцкой так оценивал ситуацию: «А черт их разберет, свой кишлак или чужой, сверху все они одинаковы»).

Ориентироваться штурмовикам помогали Су-17, подсвечивавшие местность САБаами. В одном из ночных рейдов командир штурмовой эскадрильи заметил внизу огни и тут же накрыл их бомбами. Вернувшись, он сообщил о «душманских кострах» и повел в указанный район всю эскадрилью, нанесшую два БШУ «пятисотками» и РБК. Десантники, посланные утром оценить результаты ночной штурмовки, увидели лишь изрытые бомбами склоны и дотлевавший кустарник, подожженный САБаами. В другой раз пилот Су-25, не сумевший отыскать в темноте цель, сбросил бомбы наугад, не рискуя садиться с опасным грузом. Вскоре в часть пришли поздравления молодцу-летчику, удачно накрывшему целую банду в несколько десятков человек, ночевавшую в этом месте.

С началом вывода войск и уходом гарнизона из Кандагара штурмовики передислоцировались в Шинданд и Баграм. Еще одна эскадрилья базировалась в Кабульском аэропорту. К задачам Су-25 прибавились боевое охранение уходивших колонн и регулярное нанесение предупредительных ударов вдоль дорог по данным разведки, вдоль трассы от Кабула к советской границе сосредоточились до 12 тысяч боевиков и более 5 тысяч подтянулись к дороге Шинданд-Кушка (в среднем, 20 человек на каждый километр пути). С сентября 1988 года штурмовики из Шинданда почти каждый день работали и в районе Кандагара, где под непрерывными обстрелами продолжал держать оборону аэродрома советский батальон. Передышка у десантников наступала только с появлением в небе Су-25. Под их прикрытием транспортные самолетами с «большой земли» доставляли боеприпасы, еду, увозили убитых и раненых. Обстрелы, ставшие обычным делом (только на Кабул в 1988 году обрушились 635 ракет), не обошли и штурмовиков. Июньской ночью в Кандагаре ракета попала в только что полученный с завода Су-25, под крылом которого висели восемь С-24. Потушить его оказалось невозможно — в огне взорвался боекомплект, сработало и улетело кресло, разлетались ловушки, с шипением уходили в темноту ракеты, полосую металлический настил стоянки стабилизаторами. При очередном артобстреле на Кабульский аэропорт 23 июня 1988 года на стоянках сгорели 8 Су-25 и еще две машины получили серьезные повреждения. Всего за последний год войны от ПВО моджахедов, обстрелов аэродромов и в летных происшествиях штурмовики потеряли 11 самолетов. Последний сбил ракетой над поселком Пагман вблизи Кабула, 7 января 1989 года, его пилот, капитан Горденко, погиб. Всего за афганскую войну не вернулись из боя 12 летчиков-штурмовиков.

Закрывая афганскую эпопею, Су-25 приняли участие в начавшейся 23 января 1989 года операции «Тайфун» — серии массивных ударов, имевших целью «нанесение возможно большего ущерба силам оппозиции в центральных и северных районах страны». Накануне удалось остановить бессмысленные бои, заключив перемирие с местными старейшинами и Ахмад Шахом. Масуд обещал, что не тронет ни одного уходящего советского солдата, и его люди даже помогали вытягивать буксующие в снежных заносах машины (сообщали и о случаях совместного распития с ахмадшаховцами «кишмишовки»).

И все же напоследок «шуряви» решили показать силу — произвели мощнейшие артобстрелы придорожных районов, выпустили по площадям 92 тактические ракеты «Луна-М», а авиация за 24-25 января выполнила более 600 самолето-вылетов и нанесла 46 БШУ, перемолотивших окрестные горы и долины. Масуд на огонь отвечать не стал, и в последние дни января штурмовики покинули афганские аэродромы.

Виктор Марковский

(Продолжение следует)

ГРАНАТА

(Быль. Все имена и фамилии подлинные)

По броне люка лязгнул металл - наверное, стучали прикладом. До- несся хриплый голос:

- Открывай, шурави! Все равно вытащим - зарежем!..

И хохот. Было слышно, что с люком возятся — пытаются от- крыть. Олег сжал в кулаке гранату. Ребристая «лимонка» приятно холодила вспотевшую ладонь.

- Давай, «дух», давай, — вполголоса проговорил Олег, вслушиваясь в лязг над головой. — Откроешь — получишь «гостинчик».

Он неторопливо отогнул усики, вытащил чеку. Потом откинулся на спинку поудобнее и стал ждать. Наверху лязгал металл. Душманы по-прежнему пытались взломать крышку люка.

- Все на месте?

Старший лейтенант Александр Бомбин, усталый и гряз- ный, обвел взглядом подчиненных. В красноватых лучах заходящего солнца было ясно видно, что и они устали не меньше.

- Все... Все... — начали поступать доклады.

И вдруг...

- Нет рядового Власюка.

- Что?!!

По шеренге прокатилась волна ропота.

- Тихо! — поднял руку Бомбин. — Кто последний видел Власюка?

- Я, наверное, — отозвался прапорщик Анатолий Дья- чук. — Когда я раненого лейтенанта вытаскивал, Олег меня прикрывал.

- Значит, он возле подорванного БТРа остался... — тихо сказал Бомбин и поднял глаза на стоявшего перед ним сер- жанта. — Как же это у вас получилось?

Душманы пытались взломать крышку люка.

Рука с гранатой занемела. Ребра «лимонки» впились в ладонь. Прижимная планка, кажется, сама шевелится, гото- вая отпустить пружину ударника взрывателя.

В люк колотят чем-то тяжелым... У них же был гранато- мет. Почему же не стреляют?

- Живым взять хотят, — вслух проговорил Олег. — Или выстрелы кончились...

Кулак с гранатой прижат к животу. Прямо над ним — броневой полукруг люка. Если его взломают — стоит только разжать пальцы, и в открывшийся проем ударит визгливый рой осколков. Точнее, половина роя. Потому что вторая по- ловина вспорет живот ему, Олегу Власюку.

Живым он им не сдастся.

- Как же это у вас получилось?

А в самом деле — как?

...Двигатель заглох сразу. Но бронетранспортер не заго- релся. Он замер — беспомощный и бесполезный.

- Все из машины! — скомандовал сержант.

С лязгом распахнулись люки. Сразу стало слышно, как яростно трещит стрельба. Правый нижний люк заклинило и кто-то, матерясь, начал лупить по нему чем-то тяжелым. На- конец все выбрались наружу. Залегли. Впереди, в зарослях, мелькали фигуры врагов, пульсировали вспышки автомат- ных очередей.

- Командир, отходим? — спросил Власюк, меняя оче- редной магазин.

- Машину бросать?.. Ждем подмогу!

Олег вновь прижал авто- мат к плечу. Душманы при- ближались.

Живым он не сдастся. Олег знал, как издеваются душманы над попавшими им в плен советскими солдатами. Вырезали звезды на лбу, вспа- рывали животы и набивали их землей, бросали в котел с голодными крысами...

- Стоп! — оборвал Олег свои мысли. — Не о том думаешь.

В самом деле, не будь душманы столь жестоки, что ж, сдался бы? От- крыл люк и поднялся с поднятыми руками?

Олег криво усмехнулся пересо- хшими губами. Представил, как это выглядело бы со сторо- ны, и зябко передернул плечами. Граната звякнула о пряжку ремня. Выбор у него небогат: или сдаться, или... разжать пальцы. Сдаться — быть может, останешься живым. В банде, в лагере, в Пакистане, у черта на рогах... Но жить! А разжать пальцы — и ничего уже не будет. Всего девятнадцать лет, а все уже в прошлом.

«Лучше быть живой свиньей, чем мертвым львом». Кто это сказал? И не вспомнить. Во всяком случае, не русский.

- И не украинец, — вслух добавил Власюк.

Наверху стало тихо.

Душманы приближались. И вдруг сзади раздался рев мотора.

- Подмога! — пронесся радостный вздох, но из зарослей выполз только один тягач.

- Куда же он, без прикрытия? — воскликнул Олег

И тут увидел, как в кустах мелькнула фигура с трубой гранатомета в руках. Солдат быстро огляделся, прикидывая, откуда бы удобнее достать душмана. Чуть впереди виднелся бугор. Олег поднялся и, низко пригнувшись, рванулся впе- ред. Рядом взвизгнула стайка пуль.

Товарищи остались сзади. Его броска никто не заметил. Все были заняты тягачом.

Наверху стало тихо. Рука противно ныла, и Олег при- крыл глаза.

Говорят, сновидения длятся секунды. И утверждают, что перед смертью человек видит всю свою жизнь. Власюку для того, чтобы окинуть мысленным взором прожитые девятна- цать лет, времени потребовалось бы немного.

Но когда он провалился в полузабытье, увидел не всю жизнь, а свою мать. Вот она, как всегда, уставшая, возвра- щается с работы домой. Входит в квартиру, склоняется над сыном... Совсем рядом видит Олег ее доброе лицо.

- Сынок, не урони гранату! — Говорит она...

Олег вздрагивает и просыпается. Он неудобно лежит в кресле тесного отделения механика-водителя. Темень. Ти- шина.

Руки Власюк не чувствует. Хочет покрепче сжать грана- ту, но боится, что затекшие пальцы разожмутся и ребристый кругляш выкатится. Нет уж, лучше так.

А где же душманы?

Все были заняты тягачом. Вернее, тем, что прикрывали его работу, яростно поливая свинцом окрестные заросли.

- Товарищ лейтенант, ложитесь, стреляют!

Не отвечая, офицер ухватил крюк троса и потащил его к бронетранспортеру. Из-за боевой машины выскочил стар- ший лейтенант Вячеслав Коробов и шиб ремонтника с ног.

- Тебе что, жить надоело?

- А ты что, подчиненных под пули в таких случаях по- сылаешь? — тоже зло ответил лейтенант. — Надо же крюк подцепить к твоему «гробу».

Оттолкнув Коробова, он вскочил, набросил трос на стальной клык... И тяжело сполз по броне на землю. От- куда-то вынырнул фельдшер — кряжистый прапорщик Ана- толий Дьячук. Он начал споро- висто бинтовать раненого.

- Тягачисты! — кричал Бомбин. — БТР тащите!

Где же душманы?

Стараясь не потревожить сжатую в кулаке гранату, Олег приподнялся к узкому сте- клышку прибора наблюдения. В призрачном свете луны было видно, как душманы обшари-

вают подбитый БТР, шарят по окрестным кустам.

- Ни хрена вы там не найдете! — злорадно проговорил Олег. — Так мы вам что-нибудь и оставили!

Один из триплексов был снаружи чем-то закрыт. Олег не сразу сообразил, что это возле люка сидит душман.

- Караулишь, сволочь?!

Руку с гранатой он уже не чувствовал.

- БТР тащите! — кричал Бомбин.

В этот момент и грохнул взрыв. Гранатометный выстрел попал в опорный каток, разворотил его и балансир, порвал гусеничную ленту.

Власюк заметил, где кусты пронзила вспышка выстрела. Едва не полмагазина выпустил в то место. Гранатометчик больше не появлялся. Но дело свое он сделал — обе машины, соединенные тросом, стояли неподвижно.

- Забрать все имущество! — последовала команда. — Отходим.

Вот тут-то и сплхнул Власюк. Прикрывая отход товарищей, он чуть промедлил и остался один.

Руку с гранатой он уже не чувствовал. Сейчас, пожалуй, даже в темноте он рискнул бы вставить на место чеку. Но в горячке бросил ее на пол. Теперь попробуй, отыщи ее! Олег опять выглянул в прибор наблюдения. Душманы сгрудились рядом с тягачом и о чем-то говорили, поглядывая на машину. Ясно, что говорили о нем. Как бы хотели враги выковырнуть его из бронированного кокона!

- И выдали Плохишу в Буржуинстве бочку варенья и коробку печенья, — проговорил Власюк. — Нет уж, я как-нибудь на отечественной тушеночке перебьюсь.

Теперь у Олега появилась надежда, что все обойдется и он сможет переждать в тягаче до того, как подойдут товарищи. А в том, что его не бросят и не забудут, Олег не сомневался.

Власюк остался один. Мысль работала лихорадочно. Бежать вслед за товарищами — безрассудно. Там наверняка напорешься на душманов. Остаться на месте — безрассудство не меньшее.

Что же делать?

В БТРе не спрячешься — внутри броневое корпуса все на виду. Взгляд солдата упал на тягач. Там место механика-водителя находится в отдельном отсеке.

Туда и бросился Олег. Подхватив лежавший на земле залитый кровью автомат (лишь позже он узнает, что это оружие раненного лейтенанта), Власюк бросил его в открытый люк, скользнул внутрь сам и повернул стопор.

- Он верит, что мы его не бросим!

- Олег там один, а мы чего-то ждем...

- Действовать надо!

Бомбин молчал. Невысокий, сухощавый, он сейчас в полной мере чувствовал, какими тяжелыми вдруг стали офицерские погоны от взвалившейся на них ответственности. Сердцем он был с теми, кто убеждал его немедленно выступить на поиски пропавшего солдата. А разумом...

Разум, боевой опыт говорили другое.

- Выступаем перед рассветом! — приказал он.

- Но как же...

- Душманы того и ждут, чтобы мы к ним сунулись! — сдержанно ответил командир. — Нас встретит засада. В темноте мы потеряем связь друг с другом... Так мы и Олегу не поможем, и других ребят

под пули подведем. Перед рассветом!

Власюк повернул стопор.

И вовремя! Вскоре появились моджахеды. Они быстро осмотрели место, где отстреливались попавшие в засаду мотострелки, забрались в БТР. Выбрались из него разочарованные — ничего интересного не нашли.

Потом вскарабкались на тягач. Обшарили и его. Начали уже спрыгивать (сердце Олега колотилось, словно колокол: «Только бы не заметили!..»), когда один из душманов обратил внимание, что отсек механика-водителя закрыт изнутри.

По броне люка звякнул металл.

- Вылезай, шурави! — раздался голос под общий хохот.

— Все равно вытащим — зарежем!

Олег медленно вытаскивал из взрывателя чеку.

На рассвете был бой. Душманы быстро отошли, привычно растворились в «зеленке».

БТР и тягач стояли как и накануне, связанные стальным канатом. Бомбин знал, что если с солдатом что-нибудь случится, он никогда не простит себе того, что не предпринял попытку разыскать подчиненного еще ночью.

- Товарищ старший лейтенант, тягач заперт изнутри. Может, он там?

Бомбин бросился к машине. Туда же устремились и солдаты. Офицер вспрыгнул на броню, прикладом автомата постучал по люку.

- Власюк! Олег! Ты здесь?

В ответ — тишина. Присевший было рядом солдат медленно выпрямился. Растерянно взглянул на командира.

- А если он?.. — и не договорил.

Бомбин вздрогнул.

Олег вдруг понял, что его просто так не оставят. Что он душманам как кость в горле. И что они обязательно постараются с ним разделаться. Но он столько пережил за эти несколько часов, что его уже ничем невозможно было напугать. Более того, на него вдруг нашло такое душевное успокоение, что Олег вдруг понял, что достать его отсюда невозможно. Что нет у врагов гранат и гранатомета, что они бессильны против него.

И от осознания этого он задремал. Сжимавшая гранату рука по-прежнему покоилась на животе.

А сверху гремел металл. Душманы ломали люк — судя по звуку, пытались вбить под него какой-то стальной клин. Но Власюк не обращал на это никакого внимания. Он спокойно ожидал исхода этой борьбы: кто окажется сильнее — родная броня или вражеская ненависть?

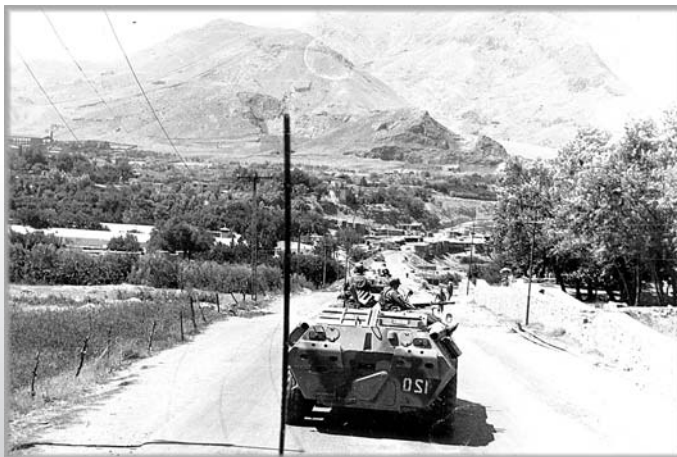
- А если он?..

- Не болтай ерунды! — оборвал солдата Бомбин.

И тут раздался скрежет стопора люка. Броневой полукруг слегка приподнялся.

Старший лейтенант Бомбин схватил его и распахнул. Из люка показалась рука с зажатой в ней «лимонкой». На нее в оцепенении смотрели окружившие машину солдаты...

- Знаешь, какая у него рука в это время была? — рассказывал мне позднее Александр Бомбин. — Даже не синяя, а какая-то багровая. Еще бы, всю ночь гранату сжимать... Даже не гранату, а собственную смерть. Каково, а?..

Николай Богунов

БОЙЦЫ НЕЗВУЧАЩЕГО ФРОНТА

Нас не так уж много, и мы не собираемся каждый день. Мы все очень заняты и каждый из нас – цельная, разносторонне развитая и целеустремленная личность. Все мы учимся: кто-то в школе, кто-то в университете, кто-то в аспирантуре. У каждого есть какое-то свое хобби: одни – поют, другие – танцуют, третьи – занимаются спортом, а также: кто-то шьет, играет на различных инструментах, выступает на концертах, играет в КВН и так далее. Мы молоды. Нам хочется гулять по парку, видаться с друзьями, знакомиться с противоположным полом и заводить серьезные отношения. И, что самое главное, в таком возрасте кажется, что твои интересы и твоя жизнь – самое главное, это именно то, вокруг чего должен крутиться весь мир. Но... последнее не о нас. Мы знаем, что такое долг, что такое ответственность, что в этом мире кому-то нужна наша помощь, что где-то мы можем понадобиться. И тогда мы отодвигаем свои личные интересы на задний план и мчимся на зов помощи. Потому что мы – дети «афганцев». Мы с достоинством несем это звание. Мы знаем, что такое долг и можем с честью отстоять себя, свои семьи, своих отцов.

Народная мудрость гласит: «Не успевает тот, кто ничего не делает». Молодежь общественной организации «Из прошлого в будущее» успевает все в своей жизни: и учиться, и удовлетворять свои личные интересы, и гулять, и заниматься общественной деятельностью.

Так, было и 5-го апреля. В чистый четверг, когда большая часть населения готовится к Светлому Воскресению Христову: убирают дома, готовят праздничный стол на воскресенье, пекут куличи, а мы были заняты общественной работой. Узнав, что городскому союзу ветеранов Афганистана (ХГСВА) требуется помощь, мы, конечно же, сразу согласились помочь. Приехав из университета после пар, мы собрались на «афганском» объекте, который требовалось убрать. Нас было всего 7 человек, и, тем не менее, мы прекрасно справились с поставленной задачей. Работалось весело и непринужденно. Особенно, если учесть, что уборка сопровождалась несколькими интересными моментами. Во-первых, для нас были привезены перчатки, но по случайности, до нашего прихода их увезли в служебной машине. Так, что пришлось порвать какую-то блузку из шифона и наматывать на руки, чтобы не загнать занозы в ладони из деревянных оснований новых граблей. Во-вторых, и самое главное, это то, что мы вызывали повышенный интерес у окружающих. Некоторые прохожие спрашивали, что мы за «учебное заведение такое». Это было обусловлено тем, что все пришли на уборку из университетов после пар, то есть, одеты были, ну, совсем не для уборки. Наибольший интерес вызывали наши парни — Парахненко Гриша, Коваленко Дима и Твиренко Андрей. Они очень красиво и естественно смотрелись в пиджаках и брюках с граблями в руках. Бевз Аня также привлекала не меньше внимания в юбке с высоким разрезом, который удачно сочетался с тачкой для перевозки мусора. Действительно удобно убирать было только Песковацкой Насте и Бреславец Оксане. Однако несоответствие одежды и поставленной задачи никаким образом не помешали нам убрать намеченную территорию и в очередной раз почувствовать себя нужными, ощутить полезность наших дел. Мы быстро распределили обязанности и принялись за дело. Конечно же, нужно отдельно сказать о том, что мы работали не одни. Нам очень сильно помогли (причем, не

только физически, но и морально, рассказывая анекдоты и поднимая настроение) члены ХГСВА: Киктенко А.А. и Грицай В.Ф. А после уборки мы все вместе подкрепились и дружной компанией прошлись по незнакомым для многих улицам.

К сожалению, мы не можем заниматься только общественной деятельностью и посвящать ей все свое время, потому что у каждого есть свои дела и потребности. Но мы и не собираемся этого делать. Мы принимаем участие в общественной работе по мере своих возможностей. Да, о нас и о нашей деятельности многие не знают. Но... ведь наш труд не ради славы. Мы не ищем признания или повышенного внимания. Мы просто творим добро.

Марина Козина

ХАРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА

Здравствуйте, дорогие боевые друзья!

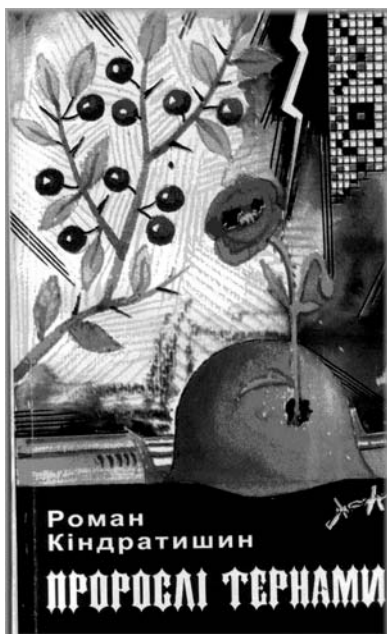
Очень рады тому, что мы наладили с вами связь. Ваш журнал «Интернационалист» получаем регулярно. Вчера получили мартовские журналы.

В целом журнал очень хороший, а главное — очень нужен всем нам. Мы, львовяне, очень хотим перенимать у вас все самое лучшее. Будем дружить!!!

24 марта во Львове прошла VII отчетно-выборная конференция. В связи с переездом Николая Криворучко в Хмельницкий. Председателем ЛОО УСВА избран Михаил Львович Магеровский, а меня, Янкува Анатолия Ивановича, избрали 1-ым заместителем. Сейчас всю свою бурную деятельность мы направили на достойную встречу и празднование ДНЯ ПОБЕДЫ.

Желаем вам и вашим семьям, дорогие побратимы, крепенького здоровья, всех земных человеческих благ и всем нам — мирного неба над головой.

С уважением, **Анатолий Янков**

Дорогие боевые друзья!

Мы регулярно получаем ваш журнал. Впечатления — наилучшие! Будем рады, если на страницах журнала уделите внимание и Львовской областной организации УСВА.

Высылаем вам стихи из сборника участника боевых действий в Афганистане Романа Киндратышына «Проросли терном» и иллюстрации к ней.

С уважением,

Михаил Магеровский
председатель Львовской
областной организации УСВА

Об авторе:

Киндратышын Роман Богданович родился 9 июня 1965 года в г. Стрий Львовской области. Детские годы провел с. Сопит и с. Пидгородци Сколевского района на Львовщине. Учился в СШ №8, закончил Ивано-Франковское училище народных промыслов по специальности «резьба по дереву». Исполнял интернациональный долг в Афганистане. Награжден медалями «За отвагу», «За разминирование».

Учился во Львовском техникуме и в Университете «Львовская политехника», работал закройщиком верхней одежды. Увлечения: резьба, интарсия, моделирование одежды.

Роман Киндратышын — дипломант регионального конкурса авторской поэзии «Моя Украина» (Стрий, 2004 г.). Печатался в украинской периодике.

Эти стихи из первого сборника украинского поэта из прикарпатского города Стрия. Большая часть стихов написана под впечатлением Афганской кампании, участником которой был автор — воин-интернационалист. Годы событий: 1985-1988. Афганистан.

ПОМНЮ

Помнишь, друг,
Багровые закаты
И горячие от боя автоматы?
Помнишь, друг,
Как плакали ребята
От большой, случившейся
Утраты?..
Помнишь, друг,
Когда одно на десять
Мы делили горе,
Будто не допели песню?..
Помню.
Мне забыть все это — больно.
Но вернулись мы тогда из боя,
Чтобы вспомнить вас, ребята,
Молча. Стоя...

ДЕПУТАТЫ УПОРЯДОЧИВАЮТ КОММУНАЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ

Верховная Рада Украины приняла в первом чтении проект закона Украины «Об упорядочении предоставления льгот по оплате услуг по содержанию домов и сооружений и придомовых территорий, коммунальных услуг и приобретение твердого бытового топлива», внесенный Кабинетом министров Украины.

«За» проголосовали 245 из 250 народных депутатов, зарегистрированных в зале.

Законопроектом предусматривается, что лицу и членам его семьи, которые постоянно проживают по месту регистрации в жилом помещении и имеют право на скидку при расчетах платы в соответствии с законами Украины, буд ут предоставляться льготы по оплате услуг по: содержанию домов и сооружений и придомовых территорий; коммунальных услуг; приобретение твердого бытового топлива.

Льготы по оплате услуг по содержанию домов и сооружений и придомовых территорий, а также льготы, при расчетах платы за предоставление услуг по отоплению предоставляются в пределах нормы, которая составляет 21 кв. метр общей площади жилья на каждое лицо, и дополнительно 10,5 кв. метра на семью.

Исключения — семьи, которые состоят лишь из нетрудоспособных лиц, и на которых распространяется действие положений Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты».

Льготы по оплате услуг по централизованному снабжению холодной и горячей воды, водоотвода, газо- и электроснабжению, приобретению твердого бытового топлива, сжиженного газа, вывозу бытовых отходов предоставляются в пределах норм потребления, которые устанавливаются: органами местного самоуправления, Советом министров Автономной Республики Крым, областными, Киевской и Севастопольской городскими государственными администрациями в пределах норм потребления льготы по оплате услуг по централизованному снабжению холодной и горячей воды, водоотвода, вывозу бытовых отходов и Кабинетом министров Украины — в пределах норм потребления льготы по оплате услуг по потреблению природного и сжиженного газа, электрической энергии для бытовых потребностей и приобретения твердого бытового топлива.

Расходы, связанные с предоставлением льгот, осуществляются за счет субвенции из государственного бюджета местным бюджетам.

Население Украины стареет и вымирает

Уже через 23 года количество украинцев уменьшится до 39 млн. Такой неутешительный прогноз обнародовала ООН в своем демографическом отчете.

В Украине самый низкий в мире естественный прирост населения, говорится в демографическом отчете ООН. Если ситуация не изменится кардинальным образом, то уже через 23 года украинцев будет 39 млн. человек.

Согласно отчету, Украина на одном из первых мест в Европе по смертности, к тому же вскоре ей угрожает «геронтологическая революция» — стремительное увеличение количе-

ства людей преклонных лет. С 1950 г. в Украине количество людей возрастом свыше 60 лет выросло вдвое. Количество людей преклонного возраста на планете увеличится до 2050 года почти втрое, а в Украине достигнет 40% населения. В 2006 году численность населения Украины сократилась на 0,6%, или на 283,5 тыс. человек по сравнению с началом года.

По данным Всеукраинской переписи населения, проведенной в декабре 2001 года, численность населения составляла 48 415,5 тыс. человек, из них 32 538 тыс. человек — городское население, 15 877,5 тыс. человек — сельское.

Медицинская справочная. В Харькове появился телефон горячей линии, позвонив на который можно узнать, есть ли необходимое лекарство в аптеках города.

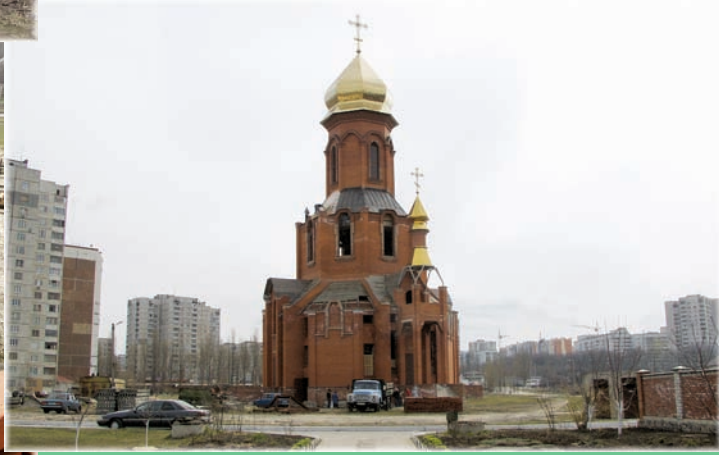
Справочно-информационная служба называется «Фарм-Инфо». Номер горячей линии — 177. Звонки бесплатные.

Служба работает с понедельника по пятницу - с 8.00 до 19.00; в субботу - с 9.00 до 16.00, выходной — воскресенье.

Накануне Дня 8 марта губернатор области А. Аваков и председатель областного совета В. Салыгин поздравляли женщин-активистов Харьковской области с праздником весны и вручали им награды и подарки. Среди награжденных была Ж. Митрохина — заместитель председателя ХГСВА.

31 марта 2007 года Харьковский городской союз ветеранов Афганистана провел очередной субботник на территории храма Святого Георгия Победоносца.

Фоторепортаж подготовлен пресс-службой ХГСВА